

Ф.К.
КАСТ

От автора
серии бестселлеров
«ДОМ НОЧИ»

Goddess of Rose
БОГИНЯ
РОЗ

Призыв богини

Филис Кристина Каст

Богиня роз

«ЭКСМО»

Каст Ф.

Богиня роз / Ф. Каст — «Эксмо», — (Призыв богини)

ISBN 978-5-699-46117-2

Для этих восхитительных роз нет лучшего удобрения, чем кровь садовника. Так повелось с незапамятных времен, и тайна волшебства передается в семье Эмпауз из поколения в поколение. Микки, последняя представительница рода, мечтает вырастить в городском парке самые красивые розы в мире. Но в магический ритуал, предназначавшийся для цветов, волей случая вторгаются иные чары. И Микки освобождает Минотавра, заточенного в парковой статуе, а сама оказывается жрицей богини Гекаты и вступает в борьбу с Похитителями Грез...

ISBN 978-5-699-46117-2

© Каст Ф.

© Эксмо

Содержание

Дорогой читатель!	5
Благодарности	6
Прелюдия	7
Часть первая	8
Глава первая	8
Глава вторая	14
Глава третья	18
Глава четвертая	24
Глава пятая	28
Глава шестая	35
Глава седьмая	40
Часть вторая	48
Глава восьмая	48
Глава девятая	54
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Ф.К. Каст

Богиня роз

Дорогой читатель!

У авторов есть любимые книги. Согласна, согласна – книги как дети, и трудно признать, что одного любишь больше, чем других, но это так. Книги о богинях – мои любимые дети.

Как и другие мои сочинения для молодежи, например серия «Дом Ночи», книги о богинях прославляют независимость, ум и красоту современных женщин. Мои герои сходны в одном: им нравятся сильные женщины, и они достаточно мудры, чтобы ценить ум так же, как и красоту. Разве умная женщина не может быть сексуальной?

Изучать мифологию и пересказывать древние мифы очень увлекательно! В «Богине моря» я изложила историю русалки Ундины, поменявшей места с современной девушкой, сержантом Военно-воздушных сил США, которой нужно было разобраться в себе. В «Богине весны» я взялась за миф о Персефоне и боге подземного царства Гадесе и отправила современную женщину в ад! Кто бы мог подумать, что ад и его отягощенный заботами правитель могут быть такими интересными?

А потом мы отправимся на чудесные каникулы в Лас-Вегас с божественными близнецами, Аполлоном и Артемидой, это уже в «Богине света», и, наконец, перейдем к моей любимейшей волшебной сказке, «Красавица и Чудовище». В «Богине роз» я рассказала свою версию этой чудесной истории, выстроив волшебный мир, в котором возникают мечты – добрые и злые – и рождаются существа, от которых у меня захватывает дух.

Я надеюсь, что вам понравятся мои миры, и я желаю вам обнаружить божественную искру в вас самих!

Ф. К. Каст

Эта книга – для тех, кто полюбил чудовище и был искренне разочарован, когда оно превратилось в прекрасного принца

Благодарности

Мне бы хотелось поблагодарить Марка Стелжеса, розоведа, с которым я советовалась, когда готовилась написать эту книгу. Марк, твои сведения бесценны! Если же я допустила какие-то неточности в описании роз, то это ошибки мои и только мои.

Особая благодарность – моему божественному редактору Кристине Зика, за понимание того, что это чудовище действительно должно было быть чудовищем.

Нижайший поклон моему изумительному агенту и подруге – Мередит Бернштейн.

Спасибо и славным «лунатикам» за участие в «мозговом штурме», они помогли персонафицировать Похитителей Грез.

И спасибо старшекласникам, которые помогли мне в сочинении запутанных снов. Видите? У подростков – отличные мозги!

Прелюдия

Давным-давно, когда люди еще верили, что боги и богини ходят по земле, Гекате, великой богине ночи, была дарована власть над перекрестьями земных дорог. Темная богиня серьезно отнеслась к своим обязанностям и стала охранять не только перекрестки наезженных путей и проселков, но и границу снов и реальности... стыки между вещественным и бесплотным. В ее владении была та сфера, откуда происходят все сны, и та магия, что создается снами. Богиня ночи стала и богиней магии, и богиней чудищ и темной луны.

Вечно бдительная Геката призвала к себе на службу некое древнее чудовище. Чудовище охотно поклялось быть стражем перекрестков и распутий и выполнять приказания богини Гекаты. Это существо было получеловеком-полузверем; будучи сыном титана Кроноса, оно не походило ни на кого. В награду за верность и готовность служить ей Геката одарила Стража человеческими сердцем и душой, и потому, хотя внешность Стража была ужасной, Геката спокойно доверила ему охрану магических перекрестков, которые она назвала Царством роз; Страж охранял и жрицу крови, служившую Гекате в сфере снов. Многие столетия Страж верно служил Гекате, соблюдая священную клятву, потому что он был так же благороден, как и силен, мудр и могуществен...

...Пока не пришел однажды кельтский праздник костров. Страж знал свои обязанности. Но – увы! – даже великий Страж может устать. Нет, Страж не поддался жестокости или алчности; его единственной ошибкой было то, что он позволил себе глупо влюбиться. Он нарушил данную богине клятву, и в приступе гнева Геката зачаровала своего Стража и Царство роз. Сфера снов лишилась верховной жрицы, а Страж заснул навечно – разбудить чудовище могла только женщина, несущая в себе кровь жрицы Гекаты и достаточно мудрая, чтобы понять истину... и сострадательная настолько, чтобы сострадание руководило ее поступками.

Итак, Царство роз погрузилось в безысходность, Страж спал, а их богиня ждала...

Часть первая

Глава первая

– Мне опять снятся эти сны.

Нелли выпрямилась в кресле и бросила на Микки взгляд, который можно было охарактеризовать как «проявление клинического любопытства».

– Не хочешь рассказать мне о них? – спросила она.

Микки задумалась. Хотелось ли ей рассказывать? Она скрестила ноги, потом поменяла их местами, немножко нервно проводя ладонью по волосам и пытаясь поудобнее устроиться в кресле с подголовником.

– Прежде чем я отвечу на твой вопрос, мне бы хотелось, чтобы ты ответила на мой.

– Вполне справедливо, – кивнула Нелли.

– Если я расскажу тебе о своих снах, как ты будешь слушать? Как моя подруга или как психотерапевт?

Нелли рассмеялась.

– Ох, умоляю, Микки! Мы с тобой в кофейне, а не в моем кабинете! И ты ведь не собираешься платить мне сто двадцать долларов в час за то, что мы сидим тут с тобой. И давай не забывать вот что...

Она наклонилась и перешла на шепот:

– Мы дружим много лет, но ты никогда не была моей пациенткой!

– Верно, но ведь не потому, что у меня никогда не было проблем.

– Да уж точно, – сказала Нелли с подчеркнутым сарказмом. – Так ты собираешься рассказывать или мне придется применить тайный профессиональный прием, чтобы заставить тебя проболтаться?

– Что угодно, только не это!

Микки вскинула руки, как будто защищаясь. Потом пожала плечами.

– Ну, сны, в общем, все те же.

Заметив, что Нелли вскинула брови, внимательно глядя на нее, Микки вздохнула и закатила глаза к потолку.

– Ладно, возможно, в последнее время они немного изменились.

– Ты на этот раз видела его лицо? – тихо спросила Нелли.

– Почти. – Микки поежилась и уставилась в угол над камином. – Вообще-то я думаю, что в этот раз я могла видеть его лицо, но...

– Но? – повторила Нелли.

– Но я... – Микки колебалась.

Нелли ободряюще кашлянула.

– Но я была настолько захвачена, что не могла сосредоточиться на его лице, – быстро закончила Микки.

– Захвачена чем?..

Микки наконец перестала тарашиться на камин и посмотрела в глаза подруге.

– Я была захвачена самым невероятным эротическим сном в моей жизни. Мне действительно было наплевать, как выглядит его чертова физиономия.

– Ну-ну... – протянула Нелли. – Я что-то не помню, чтобы ты упоминала о сексе в других снах. Теперь мне действительно интересно услышать все до конца.

– Это потому, что они не были... или, может, я не... ох, я не знаю. Почему-то сны изменились. – Микки пыталась описать, что происходило с ней. – Говорю же тебе, Нелли, эти сны становятся все более и более реальными!

Веселье в темных глазах Нелли мгновенно сменилось озабоченностью.

– Расскажи мне, милая, что происходит? – спросила она.

– Понимаешь... чем более реалистичными становятся сны, тем менее реальной мне кажется моя жизнь.

– Расскажи последний сон.

Но Микки вместо ответа намотала на палец прядь густых медно-красных волос и принялась за капучино. Они с Нелли дружили много лет. Познакомились в госпитале, где работали, и вскоре стали подругами. Во всем остальном между ними было мало общего. Нелли была высокой и стройной, смуглой и обладала весьма экзотичной красотой, доставшейся ей от матери-гаитянки. Она была выше Микки на целых семь дюймов. И насколько смуглой была Нелли, настолько же светлой была Микки, к тому же в отличие от стройной и изящной подруги она была пухленькой. Но с первой же встречи девушки не испытывали друг к другу ни зависти, ни неприязни, зато каждая ценила необычность другой.

Это была крепкая дружба, основанная на доверии и взаимном уважении. И Микки сама не понимала, почему вдруг заколебалась, не зная, стоит ли рассказывать Нелли о своих снах, в особенности о последнем...

– Микки?

– Я думаю, с чего начать, – увильнула от прямого ответа Микки.

Нелли чуть заметно улыбнулась, тоже отпила глоток капучино и откусила маленький кусочек шоколадного бисквита.

– Да, подумай. У всех психотерапевтов есть одно общее качество.

– Знаю, знаю... вы все до отворачивания терпеливы.

– Точно.

Микки повертела в руках кофейную чашку. Ей действительно было крайне необходимо разобраться с этими снами. Они становились слишком сверхъестественными, слишком завораживающими и соблазнительными.

Но она все сомневалась, и не потому, что боялась излагать вслух столь интимные подробности, но еще и потому, что какая-то часть ее сознания побаивалась подруги, которая была блестящим психотерапевтом, – побаивалась, что та найдет какие-то магические слова, которые излечат Микки от этих снов.

А она не была уверена, что хочет исцеляться от них.

– Эй, это же я, – тихо произнесла Нелли.

Микки натянуто улыбнулась, глубоко вздохнула и решилась.

– Хорошо. – Она нервно потерла накрашенный ноготь. – Последний сон начался так же, как все другие.

– Ты хочешь сказать – в кровати под балдахином?

– В огромной кровати, в гигантской спальне, – уточнила Микки, кивая. – Да. Это было то же самое место, только там не было темно, как обычно. На этот раз в комнату просачивался слабый свет, сквозь стекло во всю стену. Думаю, это было...

Микки попыталась вспомнить нужное слово.

– Как это... панорамное окно из вертикальных стеклянных панелей, вверху полукруглое. Понимаешь, о чем я?

Нелли кивнула.

– Сводчатое окно.

– Да, наверное. Ну, как бы это ни называлось, я его заметила потому, что на этот раз оно пропускало немного света.

Микки погрузилась в воспоминания, уставившись на пляшущий огонь камина.

– Свет был неяркий, розоватый, так что, наверное, наступал рассвет, – мечтательно произнесла она. – В общем, свет меня разбудил.

Она слегка замялась.

– Наверное, это кажется странным... проснуться во сне, чтобы попасть в новый сон. – Микки пожала плечами. – Но я именно проснулась. Я лежала на животе и чувствовала, что кто-то расчесывает мои волосы большой мягкой щеткой. Это было чудесно...

Микки хихикнула, посмотрев на подругу.

– Ну, ты лучше меня знаешь, что это значит – когда во сне кто-то расчесывает твои волосы.

– В этом я с тобой согласна, только расчесывание волос – не секс.

– Ладно, это я и сама знаю. Я еще не дошла до сексуальной части, я пока говорю о том, почему я чувствовала себя такой расслабленной и довольной.

– Извини, что перебила. Ты лучше считай, что меня здесь вообще нет.

– Это тоже один из ваших приемчиков?

– Ничего подобного. Это значит, что мне хочется услышать другую часть, о сексе.

Микки усмехнулась.

– В таком случае буду рада продолжить. Вот слушай... Я была так расслаблена, что как будто плыла куда-то. Это было очень странно – вроде бы моя душа стала настолько легкой, что отделилась от тела. А потом и вовсе начались чудеса.

– Чудеса? Как это?

– Ну, сначала возник порыв ветра. Он как будто подхватил меня и понес. Но это была не настоящая я. Только мой дух. Потом я будто опустилась куда-то. Я испугалась, открыла глаза и обнаружила себя посреди самого невероятного розового сада, какой только можно вообразить.

Из голоса Микки исчезли последние следы неуверенности, и она пустилась в подробности:

– У меня просто дух захватило. Мне хотелось пить этот воздух, как вино. Вокруг повсюду были розы. Причем все мои любимые: «дабл делайт», «крайслер империал», «кэри грант», «стерлинг серебря»...

– А розы «микадо»?

Вопрос Нелли вернул Микки к реальности.

– Нет, своих тезок я не видела, ни одной. – Микки выпрямилась и недовольно посмотрела на подругу. – Но я не думаю, что все это происходит именно потому, что моей маме показалось очень умным назвать меня в честь ее любимых роз.

Нелли примиряюще взмахнула рукой.

– Но согласись, Микки, – она отчетливо произнесла прозвище подруги, как бы желая стереть имя Микадо, витавшее в воздухе вокруг них, – это ведь очень странно – что розы появляются в каждом сне.

– Да что тут странного? Я доброволец общества «Розовые сады Талсы». Я и сама выращиваю розы. И почему бы розам, которые так много значат в моей жизни, не появиться в моих снах?

– Ты права. Розы – действительно важная часть твоей жизни, как были важной частью жизни твоей матери...

– А до нее – ее матери, и до нее – ее... – перебила подругу Микки.

Нелли улыбнулась и кивнула.

– Знаешь, я думаю, это чудесное увлечение, и я просто завидую твоему дару выращивать такие прекрасные цветы.

– Извини. Мне не о чем волноваться. Наверное, я просто не выспалась.

Лицо Нелли омрачила легкая тревога.

– Ты не говорила, что плохо спишь.

– Ох, да ерунда все это, – отмахнулась Микки. – Я просто вчера слишком заработалась и сидела в офисе допоздна.

«Пожалуйста, не спрашивай меня об этом», – мысленно попросила Микки, глядя на подругу и поспешно хватаясь за чашку с капучино. Ей не хотелось, чтобы Нелли знала: ее усталость совсем не связана с переработкой или недосыпанием. Ей хотелось только одного: поскорее ускользнуть в мир снов и спать, спать, и, хотя она не чувствовала себя отдохнувшей после пребывания в мире фантазий, ее тянуло туда ночь за ночью.

– Микки?

– На чем я остановилась? – с трудом вернулась к реальности Микки.

– На прекрасном розовом саде.

– Да, верно.

– И на том, что начались чудеса.

– Да... – Микки снова уставилась на камин. – Какое-то время я просто гуляла между розовыми кустами, касалась цветов и восхищалась их красотой. Стояло раннее утро, воздух был свежим и прохладным, а на розах сверкала роса. Все выглядело как после купания. Кусты на террасах образовывали нечто вроде лабиринта. Я все бродила и бродила там, наслаждаясь красотой.

Тут улыбка Микки дрогнула, и она немного помолчала, прежде чем перейти к следующей части сна. Она почувствовала, как на щеках проступает румянец, резко отвела взгляд от камина и посмотрела в глаза удивленной подруге.

– Только не говори мне, что ты смущаешься! – сказала Нелли.

Микки криво усмехнулась.

– Есть немного...

– А ты вспомни, чем мы с тобой однажды занимались в гостинице. В одной комнате. Наплюй на все и расскажи подробно. К тому же если это не поможет, не забывай...

Нелли откусила еще кусок бисквита и проговорила с набитым ртом:

– Я же профессионал.

– Вот об этом напоминать не надо, – проворчала Микки. И, глубоко вздохнув, продолжила: – Ладно, значит, я гуляла среди роз, а потом вдруг почувствовала его. Я его не видела, но знала, что он рядом.

Микки облизнула губы. И ее рука бессознательно поднялась к горлу. Кончики пальцев медленно скользили по чувствительной коже у основания шеи, пока Микки говорила:

– Я пошла быстрее, потому что сначала мне показалось, что я должна убежать от него, но скоро все изменилось. Я слышала, что он рядом; он как будто захватывал меня... Он совсем не старался не шуметь, не пытался спрятаться. Меня словно преследовало яростное, сильное животное.

Микки умолкла, чтобы отдышаться. Все тело пылало. Она чувствовала, что между грудями выступили капли горячего пота и медленно поползли вниз.

– Ты боялась? – спросила Нелли.

– Нет, – ответила Микки таким тихим шепотом, что ее подруге пришлось наклониться, чтобы расслышать. – Как ни странно. Я совсем не боялась. Меня это возбуждало. Волновало. Я хотела, чтобы он меня поймал. И если я бежала, то лишь для того, чтобы раззадорить его... мне очень хотелось его раззадорить.

– Вау... – выдохнула Нелли. – Сексуально...

– Я же говорила... а дальше пошло еще лучше.

– Неплохо, – кивнула Нелли, снова вгрызаясь в бисквит.

– Я бежала обнаженная и смеялась. А когда он касался моего тела, мне казалось, что мой возлюбленный – ветер. Я откликалась на каждый вздох того существа, которое преследовало

меня. И я хотела быть пойманной, но только тогда, когда он очень, очень сильно захочет меня поймать.

– Ох, бога ради, только не останавливайся на этом! Он тебя догнал?

Взгляд Микки стал задумчивым, как будто устремившись внутрь, и она снова уставилась на огонь.

– И да, и нет. Как я сказала, я бежала, а он гнался за мной. Я очутилась у резкого поворота лабиринта и свернула, а потом споткнулась и упала в яму. Но я не ударилась – там оказалась какая-то подушка.

Губы Микки дрогнули, потом изогнулись в чувственной улыбке.

– Это была подушка из лепестков. Я свалилась в яму, полную лепестков роз. Их там, наверное, были миллионы. Аромат наполнял воздух, лепестки ласкали тело. Каждый миллиметр моей нагой кожи ожил от их мягкого прикосновения. А потом его руки раздвинули лепестки. Руки не были мягкими. Наоборот, они были грубоватыми, сильными, требовательными. И разница между этими ощущениями оказалась невероятно возбуждающей. Он гладил меня, гладил грудь, живот, бедра... Он ласкал меня точно так, как бы я сама хотела себя ласкать. Как будто он заглянул в мои мечты и знал все мои тайные желания.

Микки немного помолчала, отвела с лица прядь волос. Ее рука слегка дрожала, и, не желая, чтобы Нелли заметила это, Микки поспешила продолжить рассказ:

– В яме было темнее, чем в саду, и я видела все смутно, как будто запах раздавленных лепестков испускал некий душистый туман, замутняющий зрение. И я не видела его, но там, где он меня касался, я вспыхивала огнем. Прежде во всех снах я ощущала его присутствие, как будто он был неким нематериальным существом, призраком или тенью. Я знала, что он поблизости, но он никогда не преследовал меня, никогда не прикасался ко мне. И уж конечно, я ни разу не прикасалась к нему. Но в полной лепестков яме все изменилось. Я ощущала на себе его руки, а потом потянулась к нему и коснулась его. И привлекла к себе. А он... я чувствовала...

Микки судорожно сглотнула и крепко зажмурилась, вспоминая.

– Он был на ощупь мощным, сильным и невероятно большим. Я погладила его по широченным плечам, по рукам. Мускулы у него были как ожившие камни. И я ощутила кое-что еще... он был... у него...

Микки снова сглотнула, почувствовав сухость в горле. Нужно ли говорить об этом Нелли? Можно ли хоть кому-нибудь об этом сказать? Углубившись в воспоминания, она как будто снова очутилась там, в той яме, полной неведомых ощущений и аромата роз. Ее руки сами собой поднялись, пальцы зарылись в густую массу волос. Она хотела заставить его повернуться к ней лицом... открыть глаза и наконец-то, наконец-то увидеть его. Но тут ее пальцы наткнулись на это. Рога. То существо, что гладило ее, доводя до экстаза, какого она никогда прежде не испытывала, имело рога.

Нет! Она не может рассказать об этом Нелли; это уж слишком безумно, а ее подруга отлично разбирается в сумасшедших. И Микки быстро произнесла:

– На нем было нечто вроде маскарадного костюма. Кожа... толстая кожа на груди. Как... как... – Она искала подходящее слово. – Как, знаешь, эти старинные латы. Это было невероятно эротично... мощные мускулы, едва прикрытые твердой кожей... Я гладила его... ощущала его... А его лицо зарылось в мои волосы, вот тут...

Закрыв глаза, Микки медленно провела ладонью по рыжим локонам у правого уха.

– Здесь было его лицо... Когда я гладила его, он стонал прямо мне в ухо, хотя это и не был настоящий стон... по крайней мере, не такой стон, какой мог бы издавать человек. Это было низкое, глухое ворчание, и оно повторялось и повторялось. Я должна бы испугаться, сопротивляться или, на худой конец, застыть от ужаса, превратившись в камень. Но мне не хотелось отстраняться от него. Эти ужасные, прекрасные, нечеловеческие звуки лишь сильнее

возбуждали меня. Мне казалось, я умру, если не получу его – всего целиком. Я выгибалась ему навстречу и ощущала его возбуждение. Он прижимался ко мне своим естеством.

Микки в очередной раз сглотнула.

– А потом он заговорил. Голос у него оказался такой, какого я никогда не слышала, – мужской и в то же время нет. Как у зверя, но не настоящего. И сила, с которой он звучал, пробрала меня насквозь, я как будто слышала его изнутри, в глубине ума.

Микки замолчала, и Нелли спросила, едва дыша:

– И что он сказал?

– Он прорычал мне в ухо: «Мы не должны... я не могу... Такому не позволено быть!» Но его слова меня не остановили. Я слышала в его голосе желание и, уж конечно, чувствовала его плоть между бедрами. Я молила его не останавливаться, цеплялась за него. Я хотела его, я хотела, чтобы он прижался ко мне обнаженным телом... Но опоздала. У меня случился оргазм, и я только и могла, что обхватить его ногами, когда мое тело взорвалось изнутри. Вот оргазм-то меня и разбудил.

Глава вторая

Нелли откашлялась.

– Ох, боже милостивый, это... – Она схватила салфетку и принялась обмахиваться ею. – Да, я с тобой согласна. Этот сон действительно куда реалистичнее, чем прежние... и сексуальнее.

– Я могла увидеть его лицо, Нелли. Оно все время было рядом, возле моего лица, и я знала, что, хотя в яме и плавает туман, все же там достаточно света, чтобы я могла разглядеть его. Я даже чувствовала, как он смотрит на меня, но не захотела открыть глаза. Я не хотела знать, как он выглядит.

Но мысленно Микки призналась себе, что просто струсила в тот момент. После того как она нащупала рога, она боялась посмотреть на него. Ей не хотелось, чтобы фантазию разбила реальность, какой бы она ни оказалась.

– Может быть, несмотря на возбуждение, ты все же боялась?

Микки помедлила с ответом, снова пытаясь понять, говорит ли она с подругой или с психотерапевтом.

– Может быть. Но я не знаю, чего я боялась: то ли того, что я могу увидеть, то ли того, что, если я открою глаза, чары развеются и он больше никогда мне не приснится, – призналась она наконец.

– Чары?

Микки пожала плечами и застенчиво улыбнулась.

– А как еще это назвать? Гораздо больше похоже на магию, чем на психоз. Во всяком случае, для меня.

Нелли улыбнулась в ответ.

– Ты знаешь, как я отношусь к таким вещам. Я уверена, что в человеческом мозгу скрыто много чудесного, но все эти чудеса имеют научное объяснение.

– Ну, теперь ты говоришь и вправду как мозгоправ.

– Ах ты болтушка! – Нелли посмотрела на наручные часы. – Ох, черт! Мне скоро нужно идти.

– Какой-то перепуганный чудик спешит свалить на тебя свои проблемы?

– Именно так. И это и есть моя любимая часть работы.

Нелли обмакнула бисквит в остатки капучино.

– Погоди-ка, ты ведь говорила, что сны становятся все более реалистичными, а окружающий мир кажется тебе менее реальным? Что, случилось нечто странное?

– Мне казалось, тебе пора идти.

– Скоро, но не сию секунду. Я еще бисквит не доела. Так что расскажи-ка все остальное.

Микки вздохнула.

– Ты никогда ничего не забываешь, да?

– Это входит в мое ужасно дорогое обучение. – Нелли махнула в сторону подруги мокрым бисквитом. – Прошу, продолжай!

– Ладно, ладно. Это случилось вчера. Я переходила Двадцать первую улицу, шла домой от Вудворд-парка. По четвергам я работаю в «Розовых садах Талсы», помнишь?

– Ага.

– Ну, уже смеркалось. Я закончила там позже обычного – сейчас очень много дел, нужно подготовить розы к зиме, установить все эти чертовы конструкции, чтобы прикрыть кусты... ну, не важно. В общем, я переходила улицу и услышала позади что-то непонятное.

Микки замолчала и прикрыла глаза, задумавшись.

– Что-то непонятное?..

– Я знаю, это прозвучит безумно. – Микки нервно хихикнула. – Но кому еще можно рассказать о таком, если не подруге-мозгоправу?

Нелли прищурилась, глядя на Микки. А Микки, не осознавая того, с некоторым вызовом взмахнула рукой, отбрасывая волосы за спину, и продолжила:

– Ладно, я услышала это... этот... шум прямо за спиной. Сначала я подумала, что это связано со спектаклем, который как раз репетировали в парке.

– А, да... Представление в парке, которое будет идти в первую неделю ноября. Я почти забыла. А что они ставят в этом году?

– «Медее», – ответила Микки, криво улыбаясь.

– Значит, странный звук со сцены в парке не должен был показаться слишком уж удивительным.

– Верно, если не считать того, что я услышала рев... рычание, и хотя я не перечитывала эту пьесу после окончания школы, не думаю, что в «Медее» есть дикие звери.

– Ты слышала голос льва?

– Я не знаю... Немного похоже на льва... но это было что-то другое.

Микки снова замолчала. Она прекрасно знала, что услышанный ею рык не был похож на голос обычного обитателя зоопарка. В нем звучало одиночество... рвущее сердце, полное, абсолютное, ужасающее одиночество. И в нем было что-то человеческое. Но об этом Микки не собиралась говорить подруге. Она все-таки была не настолько сумасшедшей... по крайней мере, пока. И она продолжила рассказ:

– Да, я прекрасно знаю, что зоопарк находится на другом конце города, и даже если бы лев или еще кто-нибудь исходил там рыком, все равно я не смогла бы его услышать от Вудворд-парка. Но клянусь, я слышала именно рычание. Как ты можешь и сама догадаться, меня это удивило, и как только я дошла до тротуара, сразу обернулась. Парка было почти не видно, потому что воздух был полон то ли пара, то ли... Я не знаю, черт побери, что это было такое. Ну знаешь, как потоки горячего воздуха, что поднимаются от нагретого асфальта в середине лета. Я подумала, что у меня что-то случилось с глазами, поморгала, потеряла их... А когда снова их открыла – парк исчез.

Нелли нахмурилась, сдвинув брови к самой переносице.

– Что ты имеешь в виду? Как это – исчез?

– Да так. – Микки передернула плечами. – Исчез. Растворился. Смылся куда-то. Не было его. А вместо него появился огромный лес.

– Ну... вообще-то в Вудворд-парке есть деревья, – сказала Нелли, как будто такого объяснения было вполне достаточно.

Микки громко фыркнула.

– Ох, умоляю!.. Я не говорю об этих симпатичных, аккуратно подстриженных деревьях, которые расставлены между искусственными водопадами и живыми изгородями из азалий. Это был самый настоящий лес! Там росли гигантские дубы, лес был дремучим и темным.

Микки вздрогнула.

– Если бы я туда вошла, я бы сразу заблудилась.

– А ты слышала тот рев еще раз?

Микки покачала головой.

– Нет, вокруг было очень тихо. Пугающе тихо, если хорошенько подумать.

– А еще какие-то чувственные иллюзии ты испытала во время этой галлюцинации?

– Ну, теперь ты говоришь совсем как мозгоправ.

– Просто ответь на этот чертов вопрос!

– Я ощущала запах роз.

Губы Микки изогнулись в улыбке.

– По крайней мере, ты последовательна.

Нелли усмехнулась. И тут же ее взгляд стал серьезным.

– И чем все закончилось?

Микки поморщилась.

– Да какой-то болван проехал мимо на пикапе... сигналил вовсю и орал что-то вроде: «У-у! Какая же ты красотка, рыжая!» Конечно, вся иллюзия сразу исчезла.

– Да, если это вообще была иллюзия, а не что-то посерьезнее, – пробормотала Нелли.

– Угу... – Микки согласно кивнула. – Так значит, у меня проблемы с репой?

– В таких случаях я предпочитаю использовать медицинские термины. Не думаю, что «репа» к ним принадлежит.

– Да как ни назови, все равно я теперь безмозглый овощ.

Нелли пожала плечами.

– Ты не овощ, ты тот еще фрукт.

Но миг спустя ее лицо стало серьезным.

– Ладно, хватит шутить, Микки. Мне надо знать, что ты чувствуешь. Тебе страшно?

Микки ответила не спеша, стараясь смотреть в глаза подруге.

– Должна признать, я волнуюсь. Пытаюсь понять, что происходит у меня в голове, но не боюсь. – Она глубоко вздохнула, прежде чем закончить ответ. – Если честно, мне, конечно, не хочется выглядеть сумасшедшей или какой-то там извращенкой, но все эти сны стали невероятно сексуальными. Черт, даже от того странного видения у меня сердце заколотилось, и возникло ощущение, будто меня целует кто-то, кто хорошо знает, как это делается. Мне неприятно в этом признаваться, но я чувствую скорее сексуальное возбуждение, чем страх.

Она прикусила нижнюю губу.

– Наверное, это ужасно, да?

– Нет, – поспешила заверить ее Нелли. – Я рада, что ты не испытываешь тревоги или страха. Вообще-то...

Она открыла сумочку и достала губную помаду.

– Мое профессиональное мнение – хотя формально ты его и не спрашивала, – что твое воображение просто выводит наружу то, что ты прячешь от себя.

– Ты всегда это говоришь пациентам?

– Ты не мой пациент. И, подруга, ты не сумасшедшая.

– Я просто творческая личность и сексуально озабочена?

– В целом согласна. Но если хочешь – могу дать тебе направление к хорошему неврологу.

– Невролог! – От ужаса у Микки дрогнул голос. – Ты думаешь, у меня опухоль в мозгу или что-то в этом роде?

– Ох, не будь дурочкой. Существует множество неврологических расстройств, которые вызывают симптомы, похожие на те, что ты описываешь.

Нелли встала, взяла с соседнего кресла свой портфель.

– Если все это ухудшится и начнет всерьез тебя беспокоить, ты, может быть, захочешь пройти обследование или еще чего-нибудь.

– «Чего-нибудь» – это еще один медицинский термин?

– Такой же, как «овощ» или «репа».

Нелли наклонилась и быстро обняла подругу.

– Не беспокойся из-за этого. Просто живи нормальной жизнью, как всегда, потому что ты совершенно нормальна. Ох, и не забудь, я устраиваю тебе встречу с тем профессором, что будет читать у нас лекции на телевидении.

Микки застонала.

– Теперь мне действительно хочется узнать, считаешь ли ты меня чокнутой!

– Прекрати! Тебе будет полезно встретиться с ним. Только не веди себя так, будто ненавидишь всех мужчин. Это может испортить первое впечатление.

– Я совсем не испытываю ненависти ко всем мужчинам. Я даже люблю мужчин. Теоретически. Просто за последние тридцать пять лет я слишком часто в них разочаровывалась.

– Ну, это нельзя назвать очень уж положительным отношением.

– Отлично. Я постараюсь быть пайнкой.

– Я совсем не это имела в виду... просто не будь слишком циничной и не тревожься. Ты в полном порядке.

Нелли еще раз обняла подругу и быстро направилась к выходу.

Микки нахмурилась и посмотрела на часы. Ей тоже не стоило засиживаться. Допивая кофе, она пробормотала себе под нос:

– Не тревожиться? Ну конечно! Я же видела «Феномен». Джон Траволта верил, что его посетили инопланетяне – пока не умер от совершенно земной опухоли в мозгу. Инопланетяне... сексуальный, похожий на зверя возлюбленный, что является во сне... какая разница? Думаю, нам обоим достались странные пути.

Глава третья

– Служба медицинских сестер. Чем могу быть вам полезна? – произнесла Микки в телефонную трубку и посмотрела на настенные часы.

Первый час. Интересно, этот день когда-нибудь кончится?

– Могу я поговорить с Микки Эмпауз? – спросил мужчина.

– Я вас слушаю. – Микки постаралась говорить как можно спокойнее.

Наверное, это очередной представитель какой-нибудь фармацевтической фирмы, желающий убедить ее, что ему просто необходимо встретиться с ее боссом. Поскольку Микки была помощником-референтом директора Службы медицинских сестер госпиталя Святого Иоанна, ей приходилось защищать свою начальницу от разного рода продавцов и прочих расхитителей времени. И это самая неприятная часть ее работы. Интересно, эти парни когда-нибудь отказываются от попыток проникнуть куда-либо?

– Микки, это Арнольд Ашер. Я звоню, чтобы подтвердить: мы встречаемся сегодня вечером.

– О! А... ох... – забормотала Микки.

– Вы как будто удивлены. Я что, ошибся датой?

Даже по телефону Микки слышала, как он застучал пальцем по электронному органайзеру.

– Нет, все в порядке, я не забыла. Просто у меня было довольно суетливое утро.

После завтрака с Нелли она только и думала об опухоли в мозгу и о том, как бы доработать до конца дня и не устроить истерику с криками и пеной изо рта. Микки попыталась вспомнить, подходят ли друг другу ее лифчик и трусики. Черт, вот будет неловкость, если придется раздеваться у врача, а на ней окажется никудышное белье...

В ее размышления ворвался голос Арнольда. А она уже почти забыла, что говорит с ним по телефону. Почти.

– Наша общая подруга, Нелли Петерсон, сказала мне, что ваш любимый ресторан – «Лесной перекресток», так что я заказал столик на семь часов. Вам это подойдет?

Микки подавила желание отменить встречу. Она была несправедлива к этому парню. У него приятный голос, да и Нелли не стала бы сводить ее с человеком непривлекательным и неинтересным. Микки постаралась отогнать мысль о том, что привлекательность и интересность всегда, похоже, дополняются высокомерием и раздражительностью, скрытыми, как луковица под шелухой, под дорогой одеждой и хорошими манерами. Микки почти услышала, как Нелли кричит на нее: «Дай же ты парню шанс!»

– Да, ужин в «Лесном перекрестке» – это звучит прекрасно, и это действительно один из моих любимых ресторанов, – сказала она, стараясь изобразить нечто вроде энтузиазма.

– Отлично! Вы не против, если я заеду за вами примерно в половине седьмого?

– Нет! – слишком быстро ответила Нелли и тут же, чтобы загладить неловкость, рассмеялась так, будто растеряла мозги до последней крошки. – В этом нет необходимости. Я живу совсем рядом с рестораном. Встретимся там.

– Полностью вас понимаю. Делайте так, как вам удобнее.

Не прозвучала ли в его тоне снисходительность?

– Да, я предпочитаю именно такой вариант, – твердо сказала Микки.

– Значит, до встречи. Увидимся в семь в «Лесном перекрестке». Как я вас узнаю?

Микки потеряла лоб, уже ощущая приближение головной боли. А может, дело в опухоли? Она искренне ненавидела свидания с незнакомыми людьми.

– Я рыжая и буду с розой в волосах.

Из трубки донесся теплый смех, удививший Микки обаянием.

– Ну, тогда я вряд ли смогу спутать вас с какой-то другой женщиной, – произнес Арнольд, все еще негромко посмеиваясь.

Надеясь, что он услышит в ее тоне ответную улыбку, Микки сказала:

– Отлично. А я надеюсь, что вы так же милы, как ваш смех. Увидимся в семь.

– Жду с нетерпением.

– Я тоже.

Микки повесила трубку и улыбнулась телефону, вдруг осознавая, что она действительно хочет поскорее увидеть человека, скрытого за голосом. И она все еще улыбалась, когда ее начальница, Джил Картер, выскочила из своего кабинета.

– Микки! Срочно вызови всех заместителей! На скоростной дороге катастрофа. Перевернулся автобус с пожилыми людьми, по пути в Лас-Вегас. Сюда везут целую кучу стариков. Нам понадобятся все до единого сотрудники!

– Уже делаю, – ответила Микки.

Она начала набирать номера еще до того, как Джил договорила.

* * *

Три часа спустя приемное отделение госпиталя все еще напоминало поле битвы, но, по крайней мере, как думала Микки, персонал начинал понемногу выигрывать.

– Похоже, только двое остались не оформленными – вон те маленькие старые леди. – Патриция, исполнительный помощник директора по безопасности, кивнула в дальний угол приемного покоя.

Микки вздохнула.

– Я возьму леди в красной юбке, если ты займешься той, в оранжевом брючном костюме.

– Что ж, займемся ими, – сказала Патриция.

Микки кивнула. Как же она устала! Она чувствовала себя такой же старой, как та древняя бабушка, к которой она направлялась. Решительно напомнив себе, что, хотя она утомилась и расстроена, она все же не пережила только что катастрофу на дороге, Микки натянула на лицо дружескую улыбку. Глаза старой женщины были закрыты, а головой она прислонилась к стерильному кафелю стены. Ее роскошные серебристо-белые волосы были элегантно скручены на французский манер, а подойдя поближе, Микки обнаружила, что длинная широкая юбка дамы сшита из дорогого кашемира; кашемировым был и свитер. Нитка крупных мерцающих жемчужин спускалась почти до талии леди, а в ушах красовались серьги с жемчугами. Левая рука пожилой дамы была обернута белым шелковым шарфом. Шелк был испачкан засохшей кровью.

– Мэм? – мягко окликнула даму Микки, стараясь не напугать пострадавшую.

Женщина не откликнулась.

– Простите, мэм... – произнесла Микки чуть громче.

Снова никакого ответа.

От ужасной мысли Микки похолодела. А что, если старая леди умерла?

– Мэм! – Микки не удалось скрыть панику.

– Я не умерла, милая девушка. Я просто очень старая.

Хриплый голос женщины был очень приятным, красивого тембра и с каким-то едва уловимым акцентом. Она слишком отчетливо произносила каждое слово.

Но глаз она так и не открыла.

– Простите, мэм. Я... э-э... я и не думала, что вы умерли, мне просто показалось, что вы заснули. Ваша очередь на прием. Нужно записать номер вашей страховки.

Старая леди наконец открыла глаза, и Микки удивленно моргнула. Эти глаза оказались поразительно ясными, темно-голубыми. Если бы надежда имела цвет, она была бы такой же голубой, как глаза этой женщины; Микки просто потеряла дар речи от их красоты.

Леди улыбнулась.

– Вам надо стараться всегда говорить правду, моя дорогая. Лгунья вы никудышная. Но не беспокойтесь. Я определенно жива – на данный момент.

Она протянула Микки не пострадавшую ухоженную руку, и Микки взяла ее, помогая женщине подняться.

– Да, мэм, – довольно глупо пробормотала она.

– Я всегда думала, что обращение «мэм» следует оставить для молодых женщин, желающих казаться старше своих лет, или для тех пожилых, кто уже отказался от жизни. Но я ни то ни другое. И я предпочитаю обращение «синьора», как называют своих женщин итальянцы. Мне кажется, что это звучит намного интереснее, а? Но вы можете звать меня Севильяной.

Улыбка соскользнула с лица Микки.

– Вы сказали – «Севильяна»?

– Да, это мое имя. Что-то не так, дорогая?

Микки помогла Севильяне сесть на стул перед стойкой регистрации и лишь потом ответила:

– Нет, все в порядке. Просто я знаю это имя.

– Вот как? – Старая женщина приподняла тонкую серебристую бровь. – И что именно вы знаете?

– Что это название розы, выращенной во Франции. Она ярко-алая и очень стойкая. Из нее получают отличные живые изгороди, а цветет она почти четыре месяца подряд.

Севильяна улыбнулась с одобрением.

– Я сразу поняла, что в вас есть нечто особенное.

Микки попыталась улыбнуться в ответ, но все еще была смущена странным совпадением в их именах. Множество сортов роз были названы в честь разных людей – «принц Альберт», «долли партон», «принцесса Ди»... но Микки ни разу не приходилось встречаться с теми, кого называли бы в честь какой-то розы. Обойдя стойку, Микки села к компьютеру.

– Как ваша фамилия, мэм... то есть синьора? – спросила она.

– Калука. К-а-л-у-к-а.

Она достала из сумочки карточку медицинской страховки и протянула ее Микки.

– А вас как зовут, моя дорогая?

Микки оторвала взгляд от экрана компьютера. И уже открыла рот, чтобы назвать Севильяне свое прозвище, но что-то во взгляде старой женщины заставило ее передумать.

– Микадо, – призналась она.

Севильяна улыбнулась и будто помолодела на несколько десятков лет.

– Ох, вот ведь! Еще одна розовая леди. Какой чудесный сюрприз!

– Да, такое не часто встретишь, – согласилась Микки с легким сарказмом.

Севильяна внимательно посмотрела на нее.

– В вашем возрасте пора уже научиться ценить необычное, в какой бы форме вы его ни нашли. Или оно нашло вас.

Микки сжала губы, чтобы не ляпнуть то, что первым пришло ей на ум. В глазах старой леди светилась такая мудрость, что Микки расхотелось впадать в агрессивную оборону.

– Вы действительно в это верите? – неожиданно спросила она.

– Конечно, моя дорогая. – Взгляд Севильяны стал невероятно острым. – Необычное находится настолько близко, насколько мы готовы поверить и испытать настоящую магию, а магия – это и есть дыхание самой жизни.

Микки хотелось бы задать старой леди еще несколько вопросов, но тут к ним подошла медсестра.

– Уверена, вы моя последняя пациентка.

Медсестра помогла Севильяне встать.

– Давайте-ка взглянем на вашу руку.

– Там просто царапина, – сказала старая женщина, отходя за медсестрой от стойки регистрации.

А потом, оглянувшись через плечо, она посмотрела в глаза Микки и произнесла ясно и отчетливо:

– Мне случалось царапаться куда сильнее, когда я обрезала розы, не надев перчатки.

От этих слов по коже Микки пробежали мурашки, настолько она была удивлена.

Откуда эта старая женщина знает?..

Микки все еще задумчиво смотрела на дверь, за которой исчезла Севильяна, когда начальница схватила ее за плечо. От неожиданности Микки аж подпрыгнула.

– Извини, не хотела тебя напугать, Микки. Я просто подошла, чтобы поблагодарить тебя. Весьма ценю твою помощь сегодня. Это все совсем не входит в твои обычные обязанности.

– Ох, ерунда, Джил. Я просто отвлеклась от ежедневной офисной работы.

Джил повнимательнее присмотрелась к своей ассистентке. Она заметила и темные круги под выразительными глазами, и необычную бледность кожи. Микки работала ее помощницей уже пять лет, и директор привыкла рассчитывать на деловитость Микки, ведь при ней все в Службе медицинских сестер шло спокойно и гладко, – но в последнее время помощница начала ее беспокоить. Она все чаще впадала в рассеянность, а всего пару дней назад Джил заметила, что Микки вроде бы спит на рабочем месте... да, Джил была почти уверена в этом. Возможно, пора было дать ей отпуск. А может, и отправить на повышение. Конечно, Джил совсем не хотелось терять такого работника и отдавать Микки конкурентам, но.... На Девяносто первой улице только что открылась новая больница. И там, скорее всего, отчаянно нуждаются в опытных служащих. Джил сделала мысленную заметку просмотреть списки подходящих должностей, но первым делом, в понедельник утром, принести Микки хороший туристический каталог морских путешествий.

– Почему бы тебе не уйти сегодня пораньше? Неделя была очень длинная.

Микки удивленно улыбнулась.

– Спасибо! У меня как раз сегодня грандиозное свидание, и мне хотелось бы к нему подготовиться.

Джил усмехнулась.

– Буду держать за тебя скрещенные пальцы.

Тут она оглянулась, проверяя, не слышит ли их кто-нибудь, прежде чем добавить с легким сарказмом:

– Сама знаешь, нелегко найти хорошего мужчину.

Микки хихикнула.

– Этот – профессор.

– Ну, тогда остается надеяться... – Джил помолчала, вскинув брови и жестом намекая на недосказанное. – Остается надеяться, что у него все такое же большое, как его мозги. Ладно, до понедельника!

Она ушла, с подчеркнутой дерзостью покачивая бедрами в такт широкому шагу.

Микки все еще улыбалась, возвращаясь к компьютеру. Она только успела кликнуть мышкой, как заметила ламинированную карту медицинской страховки.

– Ох, черт побери! Я не вернула Севильяне карту!

Микки схватила карту и побежала к двери во внутренние помещения приемного покоя. В центре полукруглого холла за высокой стойкой сидела секретарь приемного отделения – маленькая брюнетка, как всегда что-то печатавшая на компьютере.

– Привет, Бранди! В какой палате Севильяна Калука?

– В седьмой. – Занятая делом секретарша даже не посмотрела на Микки. – Такое имя не сразу забудешь.

– Спасибо. – Микки направилась к двери с номером семь. – Надеюсь, на сегодня у вас суматоха закончилась.

– Слабая надежда, – пробормотала Бранди.

Микки постучала в закрытую дверь.

– Можете войти, – прозвучал отчетливый голос старой женщины.

Микки приоткрыла дверь и неуверенно заглянула. Севильяна приглашающе помахала ей здоровой рукой. Левая рука была устроена на алюминиевом держателе, укрепленном сбоку на специальной кровати. Кто-то прикрыл сияющий металл голубым лоскутом. Микки увидела рваную рану на ладони Севильяны. Из раны все еще сочилась кровь.

– Входите, моя дорогая. Медсестра вышла за какими-то инструментами, чтобы привести вот это в порядок. – Она кивком указала на свою руку. – Вообще-то это надо зашивать.

– Мне очень жаль, – сказала Микки. – Надеюсь, вам не слишком больно.

– Это все мелочи, Микадо. – Севильяна показала на стул, стоявший рядом с кроватью. – Садись, пожалуйста. Очень мило с твоей стороны заглянуть ко мне.

– Я принесла вот это.

Микки протянула Севильяне страховую карту, раздосадованная, что не додумалась действительно просто навестить ее.

– Спасибо. Я бы никогда не вспомнила, где ее оставила.

Севильяна взяла карту и тепло улыбнулась Микки.

Микки села. Она изо всех сил старалась не смотреть на рану старой женщины, но, как это бывает, когда проезжаешь мимо места катастрофы на дороге, взгляд сам собой устремлялся к руке Севильяны. Но на этой ладони было и что-то еще... Микки прищурилась, пытаясь рассмотреть это.

– Кровь всегда завораживает. Вам так не кажется? – Голос Севильяны прозвучал гипнотически.

– Ее цвет напоминает мне розы, – тихо ответила Микки.

Она наконец заставила себя отвести взгляд от раненой руки и посмотрела в глаза Севильяне.

– Я не хочу сказать, конечно, что я какой-нибудь помешанный на крови вурдалак. Просто едва расцветшие розы и свежая кровь имеют один и тот же особенный оттенок. И я не понимаю, почему это должно вызывать негативные ассоциации, – уверенно закончила она.

Изумительные голубые глаза Севильяны пристально посмотрели на нее.

– Для вашего возраста вы очень мудры. Мне понадобилось много лет, чтобы понять: в том, о чем вы говорите, нет никакого негативного подтекста. Розы и кровь имеют между собой много общего, и это воистину удивительно.

Микки глубоко вздохнула.

– Откуда вы это знаете... о розах и крови? – брякнула она.

Старая женщина в ответ лишь улыбнулась.

– А вот и мы!

Медсестра стремительно ворвалась в комнату, неся поднос со стерильными инструментами. За ней шла женщина-врач, лишь недавно пришедшая в госпиталь.

– Доктор Мэйсон сейчас приведет вас в порядок.

Доктор посмотрела на Микки.

– Вы родственница?

– Нет, я ассистент Джил Картер.

– Вам нужно уйти.

Микки кивнула и бросила на Севильяну извиняющийся взгляд.

– Надо идти. Я искренне рада была познакомиться с вами, синьора.

– Погодите-ка, дорогая. – Севильяна потянулась к своей сумке, лежавшей рядом на кровати.

– Мэм, если она не ваша родственница, она действительно должна уйти, – сказала доктор Мэйсон.

– Я это прекрасно понимаю, милая девушка. Я и не прошу ее оставаться здесь. Я просто должна кое-что ей отдать, – сказала Севильяна таким тоном, каким обычно матери делают замечание напавшим детям.

И, не дожидаясь ответа доктора, старая женщина сунула здоровую руку в глубины огромной, похожей на мешок сумки. Когда же рука снова появилась на свет, пальцы Севильяны сжимали маленький стеклянный флакон. Флакон в виде тоненькой трубки был не больше мизинца Микки. И на всей его поверхности сверху донизу виднелись узловатые выступы. Микки дизайн флакона показался смутно знакомым.

– Вот, моя дорогая. Я хочу, чтобы вы это взяли.

Севильяна вложила флакон в ладонь Микки, и когда Микки коснулась стеклянной трубочки, она поняла, почему та выглядела такой знакомой. Это была безупречная копия стебля розы, утыканного крошечными шипами.

– Это духи, которые были изготовлены для меня, когда я в последний раз навещала остров Крит, что лежит у побережья моей вечно любимой Греции. В прошлом эти духи приносили мне удачу и немало волшебства. Желаю, чтобы они сделали то же и для вас.

Микки сжала флакончик в руке.

– Спасибо, Севильяна, – ответила она на ходу, когда медсестра уже подталкивала ее к выходу.

– Помни... – донесся до Микадо шепот старой женщины.

Дверь захлопнулась с негромким щелчком.

Глава четвертая

Квартира Микки была для нее неким убежищем. Пять лет назад она подписала договор долгосрочной аренды и ни разу об этом не пожалела. Она поселилась на верхнем этаже маленького жилого комплекса. Квартира была просторной, тихой, но Микки выбрала ее не только из-за этого. В первую очередь ее выбор определился местоположением. В квартире имелся балкон с кованой оградой, и он тянулся от гостиной до спальни, выходя прямо на Вудворд-парк. А Вудворд-парк примыкал к месту, которое Микки любила больше всего на свете, – к садам общества «Розовые сады Талсы».

Выходя на балкон, Микки посмотрела на наручные часы. Около половины седьмого. Время у нее еще есть. Она наслаждалась прекрасным видом Вудворд-парка, отмечая, что в воздухе ничего не колеблется и не движется. И парк оставался просто парком. Микки на мгновение прислушалась, надеясь уловить хотя бы эхо того тоскливого рыка, но доносились лишь шум машин, время от времени проезжавших по Двадцать первой улице, да голоса монтажников, которые заканчивали работу на сцене – спектакли должны были начаться через два дня; все вокруг было совершенно обычным. Октябрьский вечер наполняла приятная прохлада. Солнце только что опустилось за горизонт, но небо, казалось, не хотело отпускать последние блики света. Серые тона смешивались с розовато-лиловыми и коралловыми оттенками угасающего дня. Но Микки знала, что они очень скоро исчезнут. Наступала ночь новолуния, а это значило, что единственным светом, что будет литься с небес на землю, останется свет звезд.

Микки встряхнулась. Лучше перестать грезить наяву и поспешить, если она хочет успеть на свидание в ресторане вовремя.

Подул ветерок, и Микки глубоко вдохнула, наслаждаясь ароматом роз – ее роз. На балконе стояли пять больших глиняных горшков, в которых росли пять тщательно подобранных и ухоженных розовых кустов. Все были одного сорта. Микки давно уже отказалась от мысли держать дома разные сорта; и в то же время знала, что ей просто необходимо постоянно и тщательно заботиться о растениях. И вот теперь она видела успешные результаты своих трудов. Все пять кустов пребывали в полном цветении, и это не был обычный кратковременный всплеск красок, который розы демонстрируют перед тем, как зима погрузит их в дремоту. Ее розы «микадо» были по-настоящему чудесными.

Внешние лепестки крупных цветков были красными, но не просто красными. Алый цвет роз Микки можно сравнить с рубинами, огнем и кровью. Когда цветки раскрывались полностью, в их глубине вспыхивал сияющий красный, смешанный с золотом, и розы выглядели так, словно их погрузили в бокал дорогого шерри.

В последние пять лет Микки постоянно завоевывала первое место на ежегодном Всеамериканском конкурсе розоводов-любителей. Ее коллеги по работе в «Розовых садах Талсы» шутили, что Микки никому не победить, так как у нее есть некое тайное магическое зелье, которым она поливает свои розы. И они каждый год устраивали целое представление, умоляя Микки поделиться тайной.

Микки улыбалась, принимая похвалы, – но никогда не шутила насчет тайного снадобья.

Микки достала из шкафа лейку и небольшой ящик с садовыми инструментами – там были ножницы для подрезки веток и прочие нужные вещи. И подошла к первому кусту. Нахмурившись, она отщипнула маленький листок, который нетренированному взгляду показался бы вполне здоровым, но для Микки в нем скрывалась назревающая проблема.

– Ложномучнистая роса, – с отвращением произнесла Микки. – Я так и знала, две последние ночи были не по сезону холодными, но думала, что дневное тепло поможет.

Она легонько погладила полураспустившийся бутон, говоря с кустом, как с ребенком.

– Еще рановато, правда. Ты же не хочешь, чтобы я уже внесла тебя внутрь? Но думаю, мне пора укрывать вас всех на ночь.

Переходя от куста к кусту, Микки внимательно осматривала своих подопечных. Она не нашла больше зараженных листьев, но мысленно напомнила себе, что перед сном нужно проверить прогноз погоды. И если температура должна будет упасть слишком низко, она укроет розы.

Подойдя к ящику с инструментами, она выбрала небольшой секатор. И шагнула к розовому кусту, стоявшему ближе всех к раздвижной стеклянной двери в спальню. Уверенным движением она взялась за стебель нежной, едва приоткрывшейся розы и быстро перерезала его. Поднеся цветок к носу, Микки глубоко вдохнула его пьянящий аромат.

– Я сегодня с удовольствием воткну тебя в волосы, – сообщила она розе.

Микки снова вернулась к ящику с инструментами. Розу она осторожно положила рядом. Потом убрала секатор и заглянула в ящик в поисках последнего инструмента, необходимого ей сегодня.

Складной нож она нашла быстро. Ножик был маленьким, но в ящике у Микки царил безупречный порядок, и ничто не могло скрыться от ее взгляда. Микки открыла нож. Небольшое лезвие, заточенное остро, как бритва, угрожающе сверкнуло в гаснущем свете дня. Микки деловито открыла нижнее отделение ящика. Там лежал пакет спиртовых салфеток. Микки сначала тщательно протерла ладонь левой руки, потом – и без того стерильное на вид лезвие ножа.

Она как будто наяву слышала голос матери: «Невозможно быть слишком осторожной, Микадо. Никому не нужна случайная инфекция».

Удостоверившись, что и ладонь, и нож чисты, Микки отложила салфетку. И огляделась вокруг. Хотя ее балкон и выходил на оживленную улицу, высота, на которой располагалась квартира, и живая изгородь из розовых кустов не позволяли какому-нибудь прохожему рассмотреть происходящее. Но в ночь новолуния Микки хотела исключить даже малейшую возможность быть замеченной.

Однако вокруг не было никакого движения, кроме ветерка.

Микки протянула перед собой левую руку. Кожа ладони была испещрена тонкими белыми шрамами. Микки посмотрела на ладонь правой руки. Да, она ничего не перепутала. Среди тонких белых линий на этой ладони виднелась недавняя отметка, еще розовая, едва зажившая, – а значит, в этом месяце очередь левой руки.

Без дальнейших колебаний Микки прижала острое лезвие ножа к левой ладони и осторожным, отработанным движением разрешила кожу.

Кровь выступила мгновенно, и Микки вдруг вспомнила о ране Севильяны. Она была точно на таком же месте, только шире и глубже. И тут вдруг наконец Микки поняла, что еще она заметила на ладони старой женщины. Тонкие белые шрамы, давно зажившие и очень знакомые. У Микки закружилась голова, и она быстро зажмурилась, чтобы не видеть мчавшегося вокруг нее балкона.

Откуда у той старой женщины могли взяться точно такие же шрамы, как у нее? Только в семье Микки женщины практиковали этот ритуал, и он хранился в строжайшей тайне много поколений. И после того, как ее мать умерла год назад, Микки думала, что она осталась единственной в целом свете, кто знал тайну кровавых роз. Надо разузнать побольше о той женщине. В понедельник она первым делом заглянет в компьютерную карту Севильяны и узнает ее адрес. Она просто должна еще раз встретиться с этой синьорой.

Бешеное головокружение утихло, Микки открыла глаза. Кровь скопилась в ладони. Прежде чем капли упали, Микки окунула руку в лейку. Сначала порез зашипало, но прохладная вода быстро оказала свое действие. Микки поболтала рукой в лейке, наблюдая, как вода розовеет от крови.

Через несколько минут она вынула руку из воды, встряхнула и тщательно перевязала бинтом, который достала все из того же нижнего отделения ящика с инструментами. Она знала, что кровотечение скоро прекратится и на ладони останется только тонкая, не слишком заметная темная полоска, которую она в ближайшие два-три дня будет прикрывать пластырем телесного цвета. А если кто-то из волонтеров «Розовых садов Талсы» и увидит его, Микки просто скажет, что поранилась, подрезая розы, потому что забыла надеть толстые кожаные перчатки.

Но лишь немногие замечали такой маленький и незначительный порез.

Взяв лейку правой рукой, Микки тщательно распределила воду между пятью розовыми кустами. Она осторожно, медленно лила окрашенную кровью жидкость на корни растений, шепча ласковые слова и хваля розы за их красоту. Как всегда, Микки казалось, что она действительно видит, как розы откликаются на ритуал. Их листья тихо шелестели на легком ветру, а тяжелые цветки кивали головками, как будто говоря: «Да, мы часть тебя... кровь от крови...»

А для Микки они были чем-то куда большим, нежели просто растения. Они были ее наследством и последним напоминанием о матери и семье. Без этих роз Микки осталась бы одна в целом мире.

Когда вода в лейке закончилась, Микки улыбнулась своим подопечным.

– Мне бы сейчас хотелось только одного: вытащить сюда кресло-качалку, налить себе бокал того красного вина, что я купила вчера, и провести вечер за хорошей книгой.

Но ей предстояло свидание, напомнила себе Микки, свидание с мужчиной, у которого был приятный голос и чарующий смех. Микки посмотрела на часы: 6.45. А ей нужно было не меньше десяти минут, чтобы дойти до ресторана.

– Черт!..

Микки схватила пустую лейку и ящик с инструментами и сунула в шкаф. Порядок она наведет, когда вернется. Микки стремительно бросилась в ванную, слегка освежила косметику и провела щеткой по волосам. Выглядела она неплохо – черная кожаная юбка была одной из ее любимых вещей, а кашемировый свитер цвета ржавчины прекрасно подходил к рыжим волосам. Микки быстро надела на шею длинную нитку старинных черных бус из стеклянных шариков и нашла в коробке подходящую пару серег.

Выскочив из ванной, Микки уже начала застегивать молнии на новых модных полусапожках, как вдруг вспомнила о розе. Она оставила цветок на балконе. Ругая себя за забывчивость, Микки принесла розу, оборвала листья, укоротила стебель и перед декоративным зеркалом в гостиной проверила, хорошо ли будет смотреться роза за левым ухом. Глубоко дыша, Микки улыбнулась своему отражению. Какие же духи ей выбрать?

Духи...

Микки задумчиво прищурилась и посмотрела на свою сумочку. Быстро найдя решение, она расстегнула маленький боковой кармашек, где обычно держала только губную помаду, компактную пудру и ключи. Стекланный стебель лежал там, притаившись между более привычными вещами.

– Ну а почему бы и нет? – спросила себя Микки. – Севильяна сказала, что эти духи принесли ей удачу. Может быть, если я надушусь ими сегодня, у меня для разнообразия будет удачное свидание?

Микки вытащила крошечную пробку и поднесла флакон к носу. Вдохнув, она моргнула от восхищения. В живом, чуть грубоватом запахе духов смешались ароматы роз и специй. Микки принялась еще раз. Ей никогда не встречались подобные духи. Ей показалось, что наряду с ароматом роз она различает запахи корицы, имбиря и гвоздики, и все это сливалось в густой маслянистый букет. Микки коснулась пробкой ямочки на шее, потом запястий и положила флакон назад в сумочку.

Тихонько напевая под нос, она заперла дверь и поспешила на улицу, радуясь, что вечерний ветерок смешал аромат ее тезок-роз с запахом новых духов. Неплохо получилось.

И вдруг Микки поняла, что действительно чувствует себя очень счастливой.

Глава пятая

Ресторан «Лесной перекресток» находился в самом центре торгово-паркового комплекса Ютика-сквер – а это было чудесное место, с тщательно созданными ландшафтами, старыми деревьями, модными магазинчиками и хорошими ресторанами. Как обычно, в пятницу вечером здесь было полно народа, и все выставленные перед ресторанами столики уже занимали проголодавшиеся посетители. Дойдя до «Лесного перекрестка», Микки тайком огляделась. Нет, одиноких мужчин что-то не видно. Наверное, он сидит внутри. Микки снова посмотрела на часы. Десять минут восьмого. Она ненавидела опаздывать. Вздохнув, Микки вошла в ресторан.

Суетливый метрдотель занимался компанией из шести человек. Он заверял посетителей, что ждать им придется не слишком долго, и наконец, по-женски размахивая длинными тонкими пальцами, отправил гостей в зону ожидания. Когда же он заметил Микки, деловое выражение на его лице тут же сменила радостная улыбка.

– Микки! Иди скорее сюда! Я тебя уже сто лет не видел!

Микки улыбнулась в ответ, и они по-дружески обнялись.

– Блэйр, красавчик, когда ты наконец выкинешь из своей постели Энтони и пригласишь в нее меня? – спросила Микки, поддразнивая метрдотеля.

Блэйр хихикнул и сделал вид, что смущается.

– Тише, тише, плохая девочка! Тони сегодня работает. Он может тебя услышать и тогда позеленеет от ревности. А ты же знаешь, что зеленый цвет ему совсем не к лицу.

– Ну, поскольку я ослепительно рыжая, мне кажется трагедией, что блондин не может носить зеленое! – с трудом сдерживая смех, сказала Микки, кокетливо поглядывая на друга.

Блэйр отступил на шаг и окинул Микки внимательным взглядом.

– О, дорогая, да ты сегодня потрясающе выглядишь! От этой суперюбочки просто умереть можно! В чем причина?

Улыбка Микки увяла. Она почти забыла... Почти.

– У меня здесь свидание вслепую.

Блэйр с силой втянул воздух и потрогал жемчужную серьгу в ухе.

– Кошмар, – заявил он. – Дай-ка подумать... Нелли имеет к этому отношение?

Микки кивнула.

– Это не еще какой-нибудь проезжий доктор?

– Ну, вроде того. Только этот – не доктор медицины. Он что-то вроде профессора... то ли инженер, то ли еще кто. Его пригласили выступить по телевидению на следующей неделе.

Блэйр выпучил глаза.

– Ну и дела! Звучит просто жутко!

– Слушай, придержи язык. Я же стараюсь быть вежливой.

Блэйр, все с тем же выражением потрясения на лице, вдруг понизил голос.

– Погоди-ка... должно быть, это тот мистер Темный и Опасный, что сидит здесь уже минут двадцать. Ну, девочка, он совсем неплох!

Микки, вздрогнув от предчувствия, попыталась вспомнить, как именно Нелли описывала Арнольда Ашера.

– Он среднего роста, немного коренастый, с бритой головой и с бриллиантовой сережкой-гвоздиком в одном ухе? – спросила она.

– Точно, это он. Абсолютно верно. И еще у него аппетитные усы. Мы с Тони уже решили, что он похож на что-то среднее между крупным мафиози и тем славным сексуальным Телли Савалосом, да упокоится он в мире.

Блэйр торопливо перекрестился.

– Перестань. Ты же не католик.

– Девочка, ты же знаешь, я верю во всех богов.

Микки прищурилась.

– Так значит, ты утверждаешь, что он неплох?

– Неплох? – пискнул Блэйр. – Да он чудо как хорош!

Микки пожала плечами.

– Ладно, хорошо. Я хочу сказать, ничего другого я и не ожидала. Ты же знаешь, Нелли не стала бы устраивать мне встречу с кем-нибудь ужасным.

Это было чистой правдой. Но, черт побери, Микки нужно было от мужчин нечто куда большее, чем внешность.

– Веди меня к нему. Я готова встретиться с мистером Чудо Как Хорош.

Блэйр взял со стойки меню и повернулся. Через плечо он, обращаясь к Микки, произнес профессиональным тоном метрдотеля:

– Прошу, следуйте за мной, мадемуазель.

И тут же направился в глубь ресторана.

– Эй! – Микки легонько дернула его за рукав. – Там же сидят те, кто назначает сексуальные свидания!

– Он заказал столик именно там, – ответил Блэйр, сверкнув глазами. – Потребовал уединения.

– Ха! – только и смогла произнести Микки.

– Может, ты получишь от этого парня больше, чем предполагалось, маленькая мисси, – сказал Блэйр, подражая отвратительному акценту Джона Уэйна.

– Ох, умоляю! Не надо сегодня Джона Уэйна. Меня и так тошнит от волнения.

– Да расслабься ты! У меня хорошее предчувствие насчет твоего свидания.

Микки прошла следом за Блэйром через весь ресторан, к неярко освещенному маленькому залу, где стояли столики на двоих и сидели пары, погруженные в интимную беседу. Блэйр отступил в сторону, чтобы Микки смогла увидеть весь зал. Одинокий мужчина поднял взгляд от книги; он был одет в дорогую и отлично сшитую черную пару, а под пиджаком на нем был джемпер из шелкового трикотажа холодного зеленого цвета. Оттенок был просто чудесным. Голова мужчины была гладко выбрита, и маленькая бриллиантовая серьга в левом ухе вспыхивала, отражая приглушенный свет ламп. Нелли ничуть не преувеличила – она описала Арнольда Ашера как «привлекательного, но не в стандартном понимании». Микки была вынуждена согласиться. Этот человек действительно выглядел интересно – чуть мрачновато и определенно мужественно. Микки такого не ожидала. Ее не интересовали мужчины, которых большинство женщин считали красавцами; в них было нечто такое, что Микки находила избыточным. После вечера с таким красавцем она обычно чувствовала себя так, словно съела очень много жирного десерта. И слишком часто она обнаруживала, что внутренне они так же пусты, как хороши внешне. Но необычный или интересный мужчина... Микки увидела, как он заметил розу в ее волосах и приветственно взмахнул рукой.

– В точку! – сказал Блэйр.

Микки улыбнулась и целеустремленно зашагала навстречу незнакомцу. Он встал, когда она приблизилась к столику.

– Вы, должно быть, и есть Микки Эмпауз, – сказал он, и его взгляд одобрительно скользнул по ее телу.

– Да, это я, Арнольд. Рада познакомиться с вами.

Они обменялись рукопожатием. Его рука была сильной и теплой и такой же приветливой, как его улыбка.

Блэйр выдвинул для Микки стул, и она села.

– Ух... Я... – Арнольд запнулся, и казалось, что он чем-то поражен и немножко нервничает. – Извините, но мне вдруг показалось, что я уже встречал вас прежде, хотя и понимаю, что это невозможно.

– В самом деле? – Микки негромко рассмеялась, наслаждаясь изумлением, открыто светившимся в его глазах. – Вы, случайно, не экстрасенс? Не помню, чтобы Нелли об этом упоминала.

Он улыбался все так же тепло.

– Я бы предпочел называть это интуицией и желанием открыться новым возможностям.

Чувствуя, как розовеют щеки от откровенного интереса, что проявлял к ней Арнольд, Микки посмотрела на книгу, которую он читал перед ее приходом. На обложке было написано – «Мой проигрышный сезон».

Микки удивилась и протянула руку к книге.

– Пэт Конрой! Вам нравится Пэт Конрой?

– Он один из моих любимых писателей, – кивнул Арнольд.

– И мой тоже! Я его так люблю! «Принц приливов», «Великий Сантини», «Вода простирается далеко»...

– «Музыка на пляже», «Блюстителю дисциплины», – продолжил Арнольд.

– Я обожаю «Музыку на пляже».

– И я. Почти так же, как «Принца приливов». И мне противно, что он получил плохие отзывы критиков, – быстро сказал Арнольд.

– Не могу не согласиться! Проза Пэта Конроя просто волшебна! Я совершенно не понимаю, как кто-то мог дать о ней дурной отзыв.

Они улыбались, радуясь и удивляясь друг другу, и Микки вдруг почувствовала нечто такое, чего она давным-давно не ощущала на свиданиях: надежду.

Преувеличенно романтическое выражение лица Блэйра мгновенно сменилось деловым, когда Микки посмотрела на него, и метрдотель фальшиво закашлялся.

– Ох... извините, – сказал он. – Что-то горло першит.

– Блэйр, милый, ты можешь принести мне бокал моего любимого кьянти. – Она посмотрела на все еще улыбавшегося Арнольда. – Вы проголодались? Я не успела пообедать и не отказалась бы от какой-нибудь закуски.

– Звучит привлекательно.

– Отлично. Что скажете насчет оливкового хлеба? Он всегда напоминает мне об Италии. Арнольд кивнул, и Блэйр поспешил прочь.

– Значит, вы поклонница Конроя, – сказал Арнольд. – И что вам нравится больше всего?

– Пожалуй, «Принц приливов», но вообще мне нравятся все его романы. – Микки погладила обложку книги, прежде чем снова положить ее на стол. – Но вот эту я еще не читала.

– Вы обязательно должны прочесть! Он тут изумительно исследует собственную жизнь.

– Да, прочту обязательно. – Они обменялись понимающим взглядом, и Микки ощутила очередной прилив надежды. – Вы сказали, он один из ваших любимых авторов. А кто еще вам нравится?

Арнольд слегка наклонился, наслаждаясь предметом разговора, на что способны лишь истинные книгочеи. Микки наблюдала за ним, пока он говорил. Нет, он действительно не был привлекателен в общепринятом смысле этого слова, да и вообще она предпочитала мужчин повыше ростом... и помоложе. Но в нем определенно было нечто особенное, нечто интеллигентное и еще сексуальное...

– Трудно свести мои предпочтения до стандартной десятки. Наверное, к Конрою я добавил бы Германа Вука.

– «Ветры войны», – кивнула Микки. – Прославленная книга!

– И не забудьте еще «Войну и воспоминание».

– Это невозможно забыть.

– Потом я бы вспомнил о Джеймсе Клавелле.

– «Король крыс», «Тай-Пен» и самое лучшее – «Сегун», – сказала Микки, едва кивнув Блэйру, принесшему вино и оливковый хлеб.

– Но мне не нравится мини-сериал по этой книге.

– Ричард Чемберлен в роли Блэкторна? Ох, умоляю! Нет и нет! Мне вообще противно, когда великую книгу превращают в дешевый сериал.

– Но есть и исключение. Это Лэрри Макмертри с «Одиноким голубем».

Микки остановилась, не донеся до рта кусочек оливкового хлеба.

– Мне очень нравится книга, и я обожаю этот сериал.

И они углубились в обсуждение экранизаций любимых книг, от романов Макмертри о старом Западе до книг Уилбура Смита об Африке. Каким-то чудом посреди разговора они умудрились заказать ужин и съесть его. Микки хотелось ущипнуть себя. Она припомнить не могла, когда ей случалось так отлично поговорить с мужчиной за ужином. С подругами-то она привыкла обсуждать разные интересные вещи. Но с мужчинами это казалось невозможным. И прежде чем Микки успела это осознать, она выпила три бокала кьянти, съела отличный ужин и только на десерт, спохватившись, заказала ирландский кофе вместо опасно соблазнительного шоколадного пирожного. У нее приятно гудело в голове, она прекрасно проводила время – и была удивлена до глубины души, когда, посмотрев на часы, обнаружила, что прошло уже почти два часа.

Она не спеша пила кофе, чувствуя на себе изучающий взгляд Арнольда. На лице доктора был так открыто написан вопрос, что Микки улыбнулась и сказала:

– Что?

– Все так удивительно.

– Вообще-то я думала то же самое, – чуть застенчиво призналась она.

– Я не могу поверить, что нашел женщину, которая действительно любит читать и способна оценить что-то, кроме пошленьких дамских романчиков.

Микки показалось, что ее окатили ледяной водой. Неужели он действительно сказал «пошленькие дамские романчики»? И это он о книгах прекрасной Норы Робертс, и всегда восхитительной Мэри Дэвидсон, и Сьюзен Грант, и Джини Шоултер, и Мэрилин Лавлейс, и о множестве других прославленных писательниц, которые составляли ей компанию долгими вечерами и заставляли смеяться, плакать и счастливо вздыхать?

– Что вы имеете в виду?

Не заметив, как изменился ее тон, Арнольд с воодушевлением продолжил:

– Я имею в виду, весьма необычно, что интересная женщина читает и одобряет по-настоящему ценные книги.

– А я бы сказала, что важно читать разных авторов и книги разных жанров. Думаю, это заметно расширяет взгляды на жизнь, которые сужаются, если слишком уж ограничивать себя в выборе, – осторожно сказала Микки, стараясь говорить как можно более нейтральным голосом. – Я вот как раз хотела спросить, Арнольд, вы когда-нибудь читали сочинения Энн Тайлер?

– Тайлер? Нет, пожалуй.

– Знаете, она получила Пулицеровскую премию за «Уроки дыхания».

– В самом деле? Рад за нее.

Микки съежилась от его снисходительного тона.

– А вам знаком «Историк» Элизабет Костова?

– Нет.

– Я думала, вы любите историю, – пробормотала Микки.

– Да, люблю.

– Хм... Ну, тогда как насчет «Туманов Авалона» Мэрион Зиммер Брэдли?

– Мифы о короле Артуре, пересказанные с женской точки зрения? – Смех Арнольда прозвучал саркастично и высокомерно. – Я бы не назвал это историей.

– А вы это читали?

– Нет, конечно же нет.

Арнольд, не осознавая того, потер лоб, как будто от вопросов Микки у него разболелась голова.

– Я предпочитаю Теннисона и Уайта. Мне нравятся вещи проверенные и правдивые.

– Хорошо, но что вы скажете о книгах Норы Робертс? Я как-то заглянула в статистику, и там было сказано, что романы Норы Робертс покупают каждые шестьдесят секунд. Похоже, они достаточно проверены и правдивы. И по крайней мере, статистически вы вполне могли читать ее... ну, хотя бы случайно.

– Нора Робертс? Она пишет о всяких там страстях с разрыванием лифчиков, разве не так?

Возле их столика появился Блэйр.

– Я только оставлю вот тут счет.

Он положил листок рядом с рукой Арнольда.

– Но вам некуда спешить, так что...

Блэйр умолк на полуслове, увидев раздраженные, прищуренные глаза Микки. И нервно откашлялся.

– Я хотел сказать, что рад буду подойти, как только понадобится вам.

И, бросив на Микки встревоженный взгляд, он отошел на свое обычное место, откуда наблюдал за официантами.

Поспешное отступление Блэйра напомнило Микки, что надо следить за выражением лица, но когда она посмотрела на Арнольда, то поняла, что тревожиться ей не о чем. Арнольд на нее не смотрел. Он, нахмурившись, изучал счет.

– Что-то не так? – спросила Микки.

Он придвинул к ней листок.

– Нет, никаких проблем. Я просто подсчитывал свою часть платы.

– Простите?..

– Ну, это ведь вы заказывали закуску. И вы выпили на один бокал вина больше, чем я, да и ирландский кофе определенно не дешевое удовольствие.

Не веря услышанному, Микки моргнула и поняла, что утратила дар речи.

Арнольд достал из бумажника купюру в двадцать долларов и две десятки.

– Это моя часть, вместе с чаевыми. Вы как обычно платите, наличными или кредиткой?

Микки внезапно расхохоталась.

– То есть вы хотите, чтобы я заплатила половину за ужин?

– Разумеется, – ответил он абсолютно спокойно. – Времена меняются. Нынче к женщинам положено относиться как к равным. И я всего лишь проявляю необходимое уважение.

– Отлично, – кивнула Микки, все еще смеясь.

Она чувствовала, как в груди вскипает гнев. Замечательно. Прелестно.

– Да, отлично. Итак, доктор Ашер... ведь к вам положено обращаться именно так, да?

Он кивнул с некоторым смущением.

– Хорошо. Я просто хотела удостовериться. Итак, доктор Ашер... Это вовсе не проявление уважения ко мне – рассуждать о том, что нынче женщины изменились. Как раз наоборот. Мне плевать, какой год стоит на дворе. И если это свидание – а мне именно так и показалось, – то дело чести и проявление хороших манер для мужчины – заплатить за ужин леди. Вот это уважительно. Но вам этого не понять, потому что абсолютно ясно: женщин вы не уважаете. И ваши слова о том, что якобы любят читать женщины, так же высокомерны, как и ваше откровенное пренебрежение женщинами-писательницами.

Микки сунула руку в сумочку, достала три двадцатидолларовые купюры и с размаху положила их на счет.

– А вот вам и новость: так называемые пошленькие романчики по продажам намного превосходят все остальные литературные жанры. И многие писательницы обладают и острой проницательностью, и отличным образованием. Они создают миры, полные сильных, страстных женщин и благородных героических мужчин. Вам бы прочесть хоть одну такую книгу. И эти авторы дамских романчиков, которых вы так презираете, могли бы научить вас, что значит быть настоящим мужчиной.

Микки встала и повесила сумку на плечо.

– Всего доброго, доктор Ашер.

Он хотел было подняться, пытаясь при этом что-то сказать, но Микки его остановила:

– Нет, прошу вас, не вставайте. Мне хочется запомнить вас именно таким: смущенным и бессловесным. Вам это очень к лицу; совершенно не видны ваши высокомерие и шовинизм.

Зловеще усмехнувшись, она повернулась и неторопливо пошла к выходу из полутемного зала.

Микки все еще продолжала улыбаться, шагая по улице. Черт, она так рада, что высказалась и ушла! Она никогда не была слабой и безвольной; у нее всегда были чертовски высокие мерки. Нет, ну кто бы мог подумать! Он ведь сначала показался таким интересным и сексуальным! Но как и с большинством мужчин, в итоге все кончилось полным разочарованием.

В тайниках ее ума при этом прозвучала мысль, что ни один мужчина никогда не сможет по-настоящему приблизиться к ней, потому что она никогда не сможет позволить себе поделиться тайной, что билась в ее крови... но эта мысль улетела, и Микки быстро задавила неприятную правду пьяненьким смехом и импровизированным пируэтом, который проделала в круге света уличного фонаря.

Ей прежде никогда не доводилось уходить со свидания пешком.

Это так возбуждало!

Микки замедлила шаг. Она в последнее время все больше и больше думала о том, что, возможно, не способна на длительные отношения. И может быть, сегодня она получила последний знак, в котором нуждалась. Нечто вроде предзнаменования. Она действительно была не такой, как все, и ей становилось все более и более ясно, что «правильного» мужчины для нее не может быть. Его просто не существует. Как ни странно, от этой мысли Микки не почувствовала себя печальной и одинокой. Вместо того она ощутила в себе мудрость, как будто наконец осознала, что ее подруги недостаточно зрелы для того, чтобы это понять. И Микки охватило огромное облегчение.

Она как раз проходила мимо популярной местной пивной «Мак-Джил» и решила, что вполне можно заглянуть туда и выпить еще немножко. Но тут дверь распахнулась, изнутри донесся шум, и она передумала. Она была не в том настроении, чтобы перекрикивать громкую музыку, заказывая спиртное. К тому же ей и без того уже хватило... и ничего в этом нет дурного. Она ведь не сидела за рулем – она летела! Микки рассмеялась и пошла дальше, вдыхая прохладный октябрьский воздух.

Она миновала деловой квартал; вместо модных магазинов и ресторанов Микки окружили старые обшарпанные особняки, что выстроились возле Вудворд-парка. Микки любила эту часть Талсы. Здесь ее охватывало желание жить в двадцатых годах. Она бы, наверное, была девушкой свободной морали и боролась бы за права женщин. Она бы коротко подстригла волосы, носила бы просторные платья, расшитые бусами, которые сверкают и позвякивают на ходу, много пила и танцевала ночи напролет. А уж между вечеринками можно было бы и вести крестовые походы за женское равноправие.

Вроде того, что она предприняла сегодня вечером, весело подумала Микки. Ну, минус короткая стрижка, просторное платье и танцы. А может, танцы и не в минусе. Почему бы завтра

вечером не пойти в тот же ресторан, поужинать и узнать от Блэйра и музыкантов о том, что произошло после ее ухода.

Микки дошла до развилки. Здесь особняки уходили в сторону Вудворд-парка, и Микки обычно в этом месте переходила улицу и поворачивала к своему дому. Но на этот раз она остановилась, глядя на парк. Она не чувствовала ничего такого, что вызвало бы опасения. До этого момента она вообще не вспоминала о том непонятном, что вползло в ее жизнь вместе с недавно начавшимися снами.

– Просто пройдусь немного, чтобы развеяться и не думать о том, что меня беспокоит, – любезно сообщила она самой себе.

К тому же все вокруг выглядело абсолютно обычным. Разбросанные по Вудворд-парку старинные фонари расплескивали вокруг себя желтоватые лужицы света. Ветер шелестел в ветвях ухоженных дубов, негромко призывая осень, и водопады листьев кружились, словно маленькие торнадо. А в центре парка Микки увидела мягко освещенную сцену, готовую к началу спектаклей. До нее даже донесся издали голос актрисы, повторявшей свою роль...

Маленькая любовь – радость в доме,
Маленький огонек – драгоценная защита
от мороза и тьмы...

Микки уже начала было переходить улицу, направляясь к дому, но заколебалась, с тоской глядя на парк, омытый светом и звуками. Он был так притягателен... Он выглядел как волшебный оазис посреди ночи – особый маленький городок, принадлежащий лишь ей одной. Дразнящий ветерок прилетал оттуда, кружа, соблазняя ее, подталкивая навстречу запахам корицы и осенних листьев.

А почему бы и нет?

Микки взглянула на часы. Всего девять. Парк и розовые сады закрываются только в одиннадцать. Нелли ведь особо напоминала ей, что нужно жить нормальной жизнью. А прогуляться по парку и навестить свои розы как раз и будет нормальным для нее поступком. Она может обойти сцену, где репетируют актеры, и быстренько дойти до розовых садов. Ей и правда надо проверить, как чувствуют себя кусты вокруг сценических конструкций. Она с самого начала тревожилась, как розы перенесут всю эту суету, ведь рядом с ними топтались рабочие в тяжелых башмаках, а розы этого не любят.

Микки посмотрела на темнеющее небо, напомнив себе, что сегодня новолуние. И если розы нуждаются в помощи, сейчас лучшее время для этого.

Она только пройдет по центральному ряду кустов, проверит, убрали ли рабочие за собой весь мусор и не попортили ли кусты. А потом вернется домой, нальет себе немножко вина и уютнее устроится в постели с хорошей книгой... написанной женщиной!

Ох, а ведь она может и заснуть... и разве ей не хочется больше всего снова навестить своего возлюбленного, а не заниматься чем-то еще?

Глава шестая

Микки миновала перекресток, отделявший парк от улицы, и пошла по тротуару, что тянулся мимо чудесных прудов с маленькими водопадами, которые обрамляли Вудворд-парк с севера. На следующей развилке она повернула от северной стороны улицы к центру парка, где пока еще не утихла суета вокруг сцены, возведенной лишь накануне вечером. Обрывки стихотворных строк звучали, дразня ее и соблазняя посмотреть спектакль.

Святые источники бьют над землей,
Дым подношений поднимается над землей,
Орел и дикий лебедь взлетают над землей,
И праведность также поднимается над
землей,
К ногам богини...

Заинтересовавшись, Микки порылась в памяти, припоминая историю Медеи. Она смутно помнила, что это была древнегреческая трагедия, и что Медею обманул ее муж Ясон, и... Микки наморщила лоб, пытаясь разобраться во всем том мусоре, который вбивали ей в голову на уроках английского языка в колледже.

...Но женщины никогда не возненавидят
своих детей...

Эта строка, принесенная легким ветром, прорвалась сквозь паутину воспоминаний. Ну конечно. Медея разозлилась на Ясона, потому что он променял ее на более молодую женщину, дочь короля какой-то там местности, куда Медея с Ясоном бежали после того, как Медея предала свою родину, чтобы спасти Ясона...

– Символично... – пробормотала себе под нос Микки. – Таковы мужчины...

Она замедлила шаг, приблизившись к группе людей, устанавливавших освещение и переставлявших с места на место фанерные декорации. На сцене находились несколько актрис, но они молчали. Трое нервно топтались в левой части сцены. Одна женщина стояла на правой стороне. Все были одеты в греческие туники, волосы актрис свободно спадали на спины. И все оглядывались с таким видом, как будто ждали: из темноты за краем сцены вот-вот материализуется нечто... Микки остановилась, наблюдая, и пыталась понять, почему актрисы выглядят так встревоженно.

– Черт побери, где Медея? – громко спросили из маленькой открытой палатки, стоявшей неподалеку.

Микки от неожиданности даже подпрыгнула.

– Она... она сказала, что ей надо сделать перерыв, – робко произнесла одиноко стоявшая женщина.

– Это было полчаса назад! – взревел голос из палатки. – Как, интересно, мы можем наладить звук без Медеи?

Микки посмотрела туда, откуда доносился голос. Но в темной палатке можно было различить только слабо освещенный звукооператорский пульта, мигавший крошечными лампочками, да еще тень человека, стоявшего перед ним.

– Я могу нацепить два микрофона и читать ее роль вместе со своей, – предложила одна из женщин, прикрывая ладонью глаза, в которые бил свет софитов, и глядя в сторону палатки.

Микки решила, что там, видимо, скрывается режиссер.

– Это не поможет. Мы не можем сделать точный расчет таким образом. Черт побери! Я уже устал от выходов Кэти. Эта маленькая штучка думает, что она и в самом деле Медея!

Мужчина замолчал, и Микки слышала, как он раздраженно шагает взад-вперед по покрытой листьями земле. Потом, как будто взгляд Микки привлек внимание мужчины, он повернулся к ней.

– Эй, вы! Не могли бы вы нам помочь?

Микки посмотрела по сторонам. Рядом с ней никого не было. Этот тип обращался именно к ней.

– Я? – Она нервно хихикнула.

– Да, это займет всего несколько минут. Можете вы подняться на сцену? Пусть они подадут вам реплики, а вы прочтете несколько строк.

– Но я же не знаю роли, – глупо ответила Микки.

– Это не важно.

Мужчина махнул рукой какому-то рабочему, стоявшему рядом со сценой.

– Дайте этой леди роль и скажите Чио, чтобы прикрепил ей микрофон.

Он снова повернулся к Микки.

– Хотите, дам вам парочку билетов на премьеру за то, что вы нас выручаете?

– Л-ладно... – пробормотала Микки.

Ну и влипла! Впрочем, Нелли нравятся такие спектакли, вот ее и можно пригласить...

Чувствуя себя весьма не в своей тарелке, Микки поднялась на сцену. Один человек сунул ей в руку тетрадку с ролью, другой парень, которого режиссер назвал Чио, отвел назад ее волосы и аккуратно прикрепил к ним миниатюрный микрофон.

– Эй, – крикнул Чио, обращаясь к режиссеру, – а у нее такие же густые волосы, как парик у нашей Кэти!

– Ну и хорошо, проба будет точнее.

– Вот ваша метка, – сказал Чио, показывая линию, начерченную на полу. – Вам нужно стоять здесь, и когда коринфские женщины прочтут свои строки, я вам махну и вы прочитаете обращение Медеи к Гекате.

Он достал из кармана рубашки карандаш и обвел часть текста.

– Вот эта строфа, тут. Стойте лицом к зрителям и старайтесь говорить как можно медленнее и отчетливее. Понятно?

Микки кивнула.

– Отлично.

Он рассеянно похлопал ее по плечу и ушел со сцены.

– Вы справитесь, – сказала одна из женщин, улыбаясь Микки. – Это просто ерунда!

– Ну, не знаю, – прошептала Микки в ответ. – Я никогда прежде не обращалась к богиням.

– Ой, да не беспокойтесь вы! Вы и не призовете никакую богиню, если вы не Медея на самом деле, – сказала женщина, продолжая усмехаться.

– Или не жрица крови, служащая Гекате, – добавила другая женщина.

– Или не вообразите себя разом и Медеей, и великой актрисой, – продолжила первая леди.

Все актрисы разом закатили глаза при этих словах. Ясно было, что отсутствующая прима слишком вжилась в роль.

– Готовы, леди? – крикнул режиссер.

Все четыре женщины ободряюще посмотрели на Микки, и она вышла в центр сцены, к своей метке.

– Хорошо, давайте наконец все сделаем, чтобы можно было отправиться по домам. Первая коринфская женщина, начинайте.

Голос Первой коринфской женщины был сильным и чистым; она повторила строки, которые Микки уже слышала издали:

Дым подношений поднимается над землей,
Орел и дикий лебедь взлетают над землей,
И праведность также поднимается над землей,
К ногам богини...

По коже Микки пробежал легкий холодок, но испуг тут же сменился возбуждением. Голос актрисы как будто заполнил все пространство вокруг, отогнав тревогу. Вторая коринфская женщина пылко заговорила, обращаясь к Микки:

Женщины ненавидят войну, но мужчины
будут воевать.
Женщины могут ненавидеть своих мужей
и сыновей своих отцов,
Но женщины никогда не возненавидят
своих детей.

Микки следила глазами за строками в тетрадке, слушая дрожащий от избытка чувств голос Первой женщины:

Но я – я буду добра к своему мужу,
Я буду любить своих сыновей и дочерей и
почитать богов.

Чио с дальнего конца сцены ткнул пальцем в Микки, и она, как пришпоренная лошадь, ринулась читать роль Медеи:

Лучше помолчите, вы, женщины.
Вам бы посмотреть, как подруги варваров
выносят предательство;
Присмотритесь, и вы поймете.

Между словами текста здесь стояло примечание в скобках: «Медея опускается на колени и молится». Микки бросила на Чио вопросительный взгляд. Он кивнул и показал на пол. Глубоко вздохнув, Микки встала на колени и начала читать обращение:

Не зря же я почитала дикую серую
Богиню, что бродит в темноте, мудрую,
Чьи владения – людские перекрестки, дикие
Твари и древняя тайная магия,
Гекату, сладкий цветок черной луны.

Голос Микки набирал силу, а когда заговорила Первая коринфская женщина, в животе начало покалывать и по всему телу словно побежали электрические разряды. Возбуждение нарастало, адреналин подступал к горлу, и дальше голос Микки зазвучал еще мощнее. Если бы она посмотрела на режиссера, она бы увидела, как он лихорадочно хлопочет над переключателями и кнопками пульта. Если бы она глянула на актрис, стоявших неподалеку от нее на сцене,

она бы увидела, как легкое удивление на их лицах сменилось смущением и потрясением. Но Микки никуда не смотрела, кроме текста перед собой, а слова на листе бумаги проявлялись, сияя, словно ее голос пробудил их к жизни.

Королева ночи, услышь мольбу твоей заблудшей
жрицы.
Прости, что я забыла твои пути.

Микки запнулась. Маленький заклеенный пластырем порез на ладони начал болезненно пульсировать. А в ушах зашумело, как будто рядом был океан. Она почувствовала, как ночной ветерок, только что легкий и прохладный, внезапно обдал ее жаром, взметнув волосы, словно они, как и ее тело, тоже были напитаны электричеством. И, подхваченный ветром, аромат необычных духов, которые Микки капнула себе на запястья, вдруг стал очень сильным. Микки глубоко вдохнула, впитывая запахи роз, корицы, жары... Как бы подавленные необычайной красотой роскошного аромата, светящиеся слова текста поблекли, и Микки уже не могла различить их. Но это не имело значения. Как ни странно, но текст звучал в ее голове, и, всхлипнув, Микки выкрикнула слова, эхом отдавшиеся по всему парку:

Я призываю тебя, Геката, той кровью, что течет
в моих венах,
И прошу, чтобы ты помогла мне вернуться
на службу тебе и твоим владениям,
Чтобы я могла снова вспомнить, как применять
магию крови и
Древнюю красоту, которая есть Царство роз.

Оглушительный рев раздался в ночи, загредев в ушах Микки с такой силой, что у нее закружилась голова. Она сморгнула слезы и огляделась вокруг, как будто только что очнувшись от глубокого сна.

«Ох, черт! Опять на меня это накатило!» Микки лихорадочно пыталась понять смысл всех этих ярких прожекторов и женщин, с разинутыми ртами уставившихся на нее. «Пьеса! Вот дерьмо!»

Микки посмотрела на текст, который все еще сжимала во вспотевших руках. Слова, напечатанные там черным по белому, ничего не прояснили. Это не были те стихи, которые она только что произносила. Да что же с ней такое происходит?

В задней части сцены кто-то трижды хлопнул в ладоши.

– Неплохо для импровизации. – Голос был полон сарказма. – Искренне трогает.

Микки хотя и с трудом, но все же поднялась на ноги, когда к ней подошла привлекательная маленькая женщина в золотой тоге и темном парике с длинными волосами.

– Но звезда уже вернулась. Так что я заберу микрофон и займу свое место на сцене, а вы можете идти.

Микки похолодела от унижения, когда актриса протянула руку, чтобы взять скрытый в волосах микрофон.

– Ох! Черт... – взвизгнула прима, отдергивая руку и слизывая выступившую на пальце кровь. – Эта штука меня уколола!

Микки подняла руку и коснулась розы, все еще красовавшейся за ухом.

– Извините... – пробормотала она, быстро доставая микрофон. – Обычно у роз «микадо» не бывает длинных шипов.

– Кэти, милая, все в порядке. Она просто помогала нам наладить звуковую дорожку. – Это на сцену выскочил Чио.

Кэти выхватила из руки Микки микрофон и негодуя поворачиваясь к ней спиной; звукорежиссер принялся торопливо прилаживать микрофон к парикю звезды.

– Кто-нибудь, принесите мне пластырь, или я истеку кровью! И... бог мой! Что это за запах? Кто, чтоб вас всех, облился духами? Я как будто в борделе стою, а не на сцене! Бога ради! Я уйду на пару секунд, и тут же все превращается в полное дерьмо!

На сцене появились еще люди, и Микки тихонько спустилась вниз, не обратив внимания на режиссера, искренне поблагодарившего ее и напомнившего, что она может получить свои билеты на премьеру в дирекции парка.

Глава седьмая

Прошло несколько минут, прежде чем щеки Микки перестали пылать. Она могла без труда вообразить, какого они были цвета! Боже, какое унижение! Микки сошла с тротуара и направилась вверх по пологому холму ко входу в розовые сады. Шаркая ногами по сухой листве, покрывшей коричневым слоем мягкую траву парка, Микки пыталась найти хоть какой-то смысл в происшедшем. Все казалось отличным – и даже забавным, – когда она поднималась на сцену. Потом она начала читать роль, и... Микки посмотрела на тетрадку, которую забыла отдать режиссеру. Свет вокруг был уже таким слабым, что Микки не могла различить слова, но ей и не нужно было их читать, чтобы понять: то, что срывалось с ее губ, не имело никакого отношения к написанному. Она слишком хорошо помнила, как светились те строки, а потом они же звенели в ее уме. Микки провела по волосам дрожащей рукой.

Что с ней происходит? Ей надо бы вернуться домой. И может быть, позвонить Нелли. Если столь пугающие галлюцинации на глазах у множества людей не повод обратиться за срочной помощью к подруге-психотерапевту, она просто не знает, что делать.

Тут Микки добралась до верхней точки подъема и остановилась. Муниципальные розовые сады Талсы раскинулись перед ней как знакомая мечта, успокаивая взбудораженные нервы. В конце концов, что такого ужасного она сделала? Пожалуй, в действительности произошло лишь то, что она выпила три бокала вина и перепугалась, когда ее совершенно неожиданно вытолкнули на сцену. Микки сунула листки с текстом роли в сумочку. Когда вернется домой, она прочитает слова Медеи снова. Наверное, то, что она говорила, не так уж далеко от оригинального текста. Ей надо перестать относиться к самой себе слишком сурово. Глупо сосредотачиваться на каждой мелкой ошибке и на каждой маленькой фантазии, которую она себе позволяет. Микки неожиданно усмехнулась. Она даже получит бесплатные билеты и оценит игру этой паршивой дивы на премьере.

Микки смотрела на любимые сады и чувствовала, как уходят последние капли тревоги. Сады были устроены в форме гигантского прямоугольника, по которому шли ярусы роз, и они всегда казались Микки похожими на огромный итальянский свадебный торт. Здесь было пять секций террасированных посадок, и они поднимались над улицами почти на девятьсот футов. На каждом уровне ряд за рядом росли тщательно ухоженные розы. Эти сады были созданы в подражание садам эпохи итальянского Ренессанса, и среди девяти тысяч роз и специально привезенных статуй красовались итальянские можжевельники, подстриженные аккуратными конусами, южные магнолии, а также остролисты и горные сосны.

И еще на каждом уровне был свой, особенный водный элемент. Сады похвалялись мирными глубокими прудами и прозрачными стенами воды, стекавшими от фонтана к фонтану и собиравшимися воедино в великолепном центре третьего, самого обширного уровня.

Было уже совсем темно, однако в отличие от Вудворд-парка в розовых садах не было стоявших тут и там фонарей. Вместо них каждое водное сооружение освещалось изнутри. Эффект получался ошеломляющий. Сады как будто светились сами по себе, висая над мерцающей, пахнущей розами водой. Капризный ветерок дунул в затылок Микки, растрепав волосы и подтолкнув вперед. И она нетерпеливо пересекла границу между двумя парками и глубоко вдохнула, окунувшись в розовый аромат.

– В раю не может пахнуть лучше, – прошептала Микки.

И, словно ноги сами сделали за нее выбор, Микки пошла вниз, к своей любимой дорожке, не спеша продвигаясь в глубь садов. В иные вечера здесь бывало полно людей почти до самого закрытия. Они приносили с собой складные стулья и корзинки для пикников, книги, альбомы для рисования. Но сегодня Микки с облегчением обнаружила, что единственными посетителями парка оказались двое влюбленных, которые устроились на одеяле на краю верхнего

уровня. Но Микки не обращала на них внимания, а они не обращали внимания на нее. И ее это вполне устраивало. Она предпочитала оставаться с розами наедине. Микки не спеша шла вперед, время от времени задерживаясь около своих любимиц. Вечер был тихим, и, кроме легкого шелеста ветра, завораживающего плеска воды и шороха гальки под ногами, ничего не было слышно. Как будто розы создавали некий звуковой барьер между садами и остальным миром.

Нелепое свидание и неудача с «Медеей» были забыты, и она снова была вполне довольна собой, шагая по широкой дорожке по правой стороне третьего уровня. Заторопившись, Микки чуть ли не бегом спустилась по ступенькам, стремясь добраться до центра садов. Внизу каменную лестницу завершала арка, сложенная из тяжелых булыжников. Микки прошла под этим изумительным сооружением и, как всегда, ощутила, словно вошла в другой мир. Улыбнувшись, она посмотрела налево.

– Ты ведь знаешь, что ты тоже причина всего этого, и немаловажная.

Микки обращалась к огромной статуе, что величественно возвышалась между аркой, под которой только что прошла Микки, и вторым таким же сооружением, за которым начиналась лестница слева от фигуры – это было зеркальное отражение той, по которой спустилась Микки.

Микки подошла к статуе и посмотрела на нее, вдыхая аромат пышно цветущих роз «дабл делайт», кусты которых окружали фигуру.

– Привет, старина, – негромко поздоровалась она со скульптурой.

Мерцающий свет большого круглого фонтана, расположенного в нескольких ярдах от нее, бросал на статую странный водянистый отблеск, немножко мрачноватый, постоянно меняющийся. Фигура казалась почти живой в этих голубых бликах. Мраморная шкура как будто впитывала пульсирующий свет воды, отчего создавался эффект живой плоти. Древняя скульптура словно бы дышала. Микки встряхнулась.

– Не глупи! – решительно приказала она себе. – Это все та же статуя, которая всегда здесь стояла. И она просто обязана выглядеть жутковато, не зря же ее называют Стражем роз.

И стоило Микки сказать это, как мрамор принял обычные очертания, знакомые Микки с детства. Местная легенда гласила, что эту статую подарила городу некая эксцентричная греческая наследница в 1934 году, когда сады получили свое имя. Причины ее щедрости никто не знал, но говорили, что эта леди посетила сады и была совершенно очарована их оформлением.

Микки сделала шаг вперед и осторожно провела пальцами по буквам, вырезанным на каменной доске: «Чудовище греческой богини ночи. Эта статуя – копия фигуры, найденной в Парфеноне, и предположительно ее создателя вдохновил критский миф о Минотавре».

Микки с сомнением покачала головой. Это чудовище никогда не казалось ей похожим на Минотавра. Да, скульптура рождала в ее сознании странные, фантастические образы, напоминающая о последних бессонных ночах и полузабытых волшебных сказках, которые в детстве читала ей мама, – но Микки совсем не видела сходства между этой фигурой и той мифологической тварью, которая якобы имела тело человека и бычью голову.

– Мне скорее кажется, что ты не из античной мифологии, а из какого-то совершенно другого мира, – сообщила Микки статуе.

Вообще-то, призналась себе Микки, в миллионный, наверное, раз рассматривая фигуру, эта статуя представляла собой некую прекрасную и пугающую смесь примитивной мужской силы и звериного начала.

Чудовище было огромным, по меньшей мере семи футов в высоту, и более похожим на человека, чем Минотавр царя Миноса, – но его схожесть с человеком не делала его ни на каплю менее впечатляющим. Он как бы припал к земле, которую изображал высокий, украшенный затейливой резьбой мраморный пьедестал. Его задние ноги были толстыми и очень похожими на ноги спринтера мирового класса, вот только были покрыты густой шерстью и заканчивались раздвоенными копытами. Крепкими руками чудовище вцепилось в верхнюю часть пьедестала. Мощные мышцы рук, плеч и бедер выступали буграми от напряжения. Лицо чудовища

было обозначено размытыми линиями, словно скульптор его не закончил. И оно выглядело как лицо мужчины, хотя, безусловно, свирепого и грубого. Вместо глаз в мраморе имелись лишь пустые углубления под густыми широкими бровями. Микки, вскинув голову, изучала скульптуру. Чудовище, да, но в облике мужчины. Не настоящий бык... зато смутно напоминает баскетболиста Торина Грина. На голове чудища торчали толстые остроконечные рога, на плечи спадала пышная грива волос. Скульптор изобразил волосы чудища так, словно оно сопротивляется яростному ветру.

Микки вдруг как будто что-то кольнуло. Ну конечно, у чудища были рога! Как у ее преследователя во сне прошлой ночью. Она прищурилась. Может быть, именно отсюда и возникла ее фантазия? Ей захотелось хлопнуть себя по лбу. Вот и говорите об избытке воображения! Не было ли объяснение ее навязчивой идеи таким вот простым? Она ведь всегда любила розовые сады, и в особенности этот их уровень. И как напомнила бы мать, будь она до сих пор жива, Микки всегда отличалась склонностью к излишнему фантазированию. Сколько раз мама говорила – вместо того чтобы грезить наяву, лучше прибратся в комнате? Или сделать домашние задания... или помыть посуду?

Нелли была права. Снова права. Ее последние сны, скорее всего, были лишь результатом ее одержимости розами и всем, что их окружало. А прочие галлюцинации – просто грезы невыспавшегося, да еще и бестолкового ума.

Ума, которому больше не о ком фантазировать, напомнила себе Микки. Сегодня вечером она была вынуждена сказать себе правду: в ее настоящей жизни нет мужчин, о которых ей хотелось бы помечтать.

Значит, все эти сны были просто сложными, затейливыми фантазиями, которые она создавала, чтобы развлечь себя.

Микки охватило разочарование, но она быстро его подавила.

– Неужели ты предпочла бы обзавестись опухолью в мозгу размером с баскетбольный мяч? – выбрала она себя, рассеянно поддавая ногой камешек. – А если это не опухоль в мозгу, тогда что, как ты думаешь? Магический опыт? Что выдуманный возлюбленный вдруг шагнет из сна прямо в реальную жизнь? Как трогательно! Возьми себя в руки, девочка! И постарайся вспомнить, зачем ты сюда пришла.

Микки повернулась спиной к статуе и решительно направилась к огороженному предупреждающей лентой участку, недовольно покачивая головой. Раздраженная, она быстро подошла к громоздким строительным конструкциям. Здесь часть стены террасы начала крошиться, и пришлось нанять каменщиков, чтобы починить ее, – причем рабочим были даны строжайшие инструкции не причинять вреда розам, что десятилетиями счастливо жили на клумбах у этой стены.

Микки с отвращением огляделась. Как она и подозревала, вокруг оставили множество мусора. Она наклонилась, скользнув под желтую ленту, ограждающую место работ, и двинулась вперед, подбирая всякий хлам, валявшийся между аккуратными рядами розовых кустов, и складывая его в пластиковый мешок, который попался в колючую ловушку, застряв между двумя кустами. Микки извлекла его оттуда и пустила в дело. Когда она нашла пустой пластиковый кулер, ее терпение лопнуло.

– Это черт знает что за дерьмо! – взорвалась она.

Завтра, в субботу, старшей садовницы на рабочем месте не будет, но в понедельник утром Микки первым делом позвонит ей и подробно расскажет о нерадивости рабочих. А сама она завтра постарается провести здесь весь день, чтобы присмотреть за этими неандертальцами и не позволить им устроить еще больше всяческих безобразий.

Подобрав весь мусор, Микки наконец сосредоточилась на розах.

– Ох, нет!..

Когда она присмотрелась к кустам, ей стало дурно. Еще вчера ей показалось, что они выглядят слегка нездоровыми, но она понадеялась, что в ней просто говорит сверхзаботливость. Но теперь она видела, что у нее действительно были причины для беспокойства. Обычно густые и блестящие листья сейчас выглядели заметно потускневшими, хотя на них и падал свет фонтана. А цветки вообще были в ужасном состоянии. Они обмякли, обвисли, и преждевременно опавшие лепестки усыпали землю, как перышки умирающих птиц.

Микки медленно покачала головой.

– Как это некстати, – сказала она пострадавшим кустам. – После такого у вас не хватит сил, чтобы выдержать похолодание. А если зима выдастся суровой, мы вообще потеряем весь этот ряд.

Микки фыркала и суежилась над кустами, как рассерженная воспитательница детского сада.

Одна только мысль о потере этих кустов разрывала ей сердце. Микки знала, что большинству людей была бы непонятна ее любовь к розам... ведь ее подруги много раз повторяли, что это всего лишь растения, не люди и даже не домашние животные. Но Микки, прикасаясь к розам или вдыхая головокружительный аромат садов, всегда вспоминала о матери и бабушке; через розы она вновь, пусть на краткое мгновение, ощущала их любовь. Микки устала терять тех, кого любила.

Нужно было что-то делать. Микки выпрямилась и огляделась по сторонам. На ярусе никого не было. Не было никакого движения, только плеск воды и шорох ветра. Микки рассеянно отковырнула кусочек лака с уже испорченного ногтя.

«Просто возьми и сделай это! – мысленно сказала она себе. – Никто не узнает».

Пустой пластиковый кулер кивнул ей. Микки решилась.

– Ладно, – сказала она ближайшему кусту. – Только вы никому не говорите.

Она схватила кулер, снова нырнула под ограждающую ленту и быстро пошла к фонтану. Там она погрузила пустую бутылку в воду, а потом, кряхтя, вытащила ее. Кулер с водой оказался очень тяжелым, Микки нелегко было его поднять. Вокруг образовалась целая лужа, пока ей удалось поставить бутылку на землю.

Ей понадобилась всего лишь секунда, чтобы сорвать пластырь с левой ладони. Шрам уже подсох, но кожа оставалась розовой и тонкой. Микки прижала ноготь правой руки к маленькой линии разреза. Задержав дыхание, она закрыла глаза и нажала ногтем на ранку, заставляя ее вновь открыться.

От резкой боли Микки судорожно вздохнула. Но, открыв глаза, она с облегчением увидела, что на ладонь вытекает свежая кровь. Скривившись, Микки сунула руку в широкое отверстие кулера.

Нужно будет как следует обработать руку, когда вернется домой. Инфекция ей ни к чему.

Стараясь не обращать внимания на боль в левой ладони, Микки потащила полную бутылку по каменистой дорожке назад, к поврежденным кустам роз. Очутившись на огражденной территории, она выпрямилась, не зная, с чего начать.

– Вас тут так много, – сказала она кустам.

Ясно было, что она не сможет вылить обычное количество воды под каждый куст. Микки почувствовала, как ее губы сами собой изгибаются в саркастической улыбке. Ей, пожалуй, придется вскрыть себе вену... но это вряд ли хорошая идея.

Приняв деловой вид, Микки уперла руки в бока и обратилась к розам:

– Как насчет того, ребята, что я просто слегка сбрызну вас этой водой?

Кусты не ответили, и Микки сочла их молчание за согласие. Наклонившись, она опустила в кулер обе руки и начала разбрызгивать слегка окрашенную кровью воду на розы. Это быстро стало напоминать некую игру: согнуть запястья, распрямить пальцы... Прохладный ночной ветер смешивал нежный сладкий аромат роз с запахом земли. Микки смеялась и разбрызги-

вала вокруг чуть тронутую кровью воду, воображая себя некоей садовой феей, проливающей волшебный дождь на спящих деток.

К тому времени, как с делом было покончено, Микки уже задышалась, но продолжала улыбаться. Потом она внимательно осмотрела влажную листву. Может быть, причина снова в ее слишком богатом воображении, но ей показалось, что розы уже откликнулись... Глядя на них в тусклом водянистом свете, Микки могла бы поклясться, что листья распрямляются, а увядшие цветки становятся крепче. В кулере еще оставалась вода, и она наклонилась, чтобы вылить остатки под ближайший куст, когда краем глаза заметила вспышку света, упавшего на статую Стража роз.

«А почему бы и нет?» – подумала Микки.

Оглядевшись, она убедилась, что вокруг по-прежнему никого нет, и быстро понесла почти пустую бутылку к мраморной фигуре.

– Твои розы тоже заслуживают небольшой дополнительной поддержки, – сказала она молчаливому чудовищу. – В конце концов, ты присматриваешь за ними намного дольше, чем я.

Усмехаясь, она окунула все еще кровоточившую руку в остатки розовой воды. И отработанным движением осыпала каплями розовые кусты, окружавшие статую. Закончив, Микки поставила бутылку у стены, рядом с полным мешком мусора. Потом, заметив, что нечаянно брызнула несколько капель и на саму статую, она погладила большую руку чудовища.

– Упс! Я совсем не хотела тебя намочить, – ласково сказала она. – Но я полностью уверена: ты все понимаешь. Я хочу сказать, ты знаешь. Мы с тобой, в общем-то, делаем одно и то же. Ты присматриваешь за ними – и я присматриваю за ними.

Сунув руку в сумку, Микки достала салфетку «клинекс» и обернула ее вокруг левой ладони, вздрогнув от прикосновения ткани к заново открывшемуся порезу. Но боль ее не тревожила. Дело стоило того. Микки была уверена, что теперь розы переживут зиму и следующей весной расцветут снова.

Микки легким шагом вернулась обратно по дорожке, вышла с третьего уровня через каменную арку и стала подниматься по ступеням лестницы. Не спеша она миновала второй уровень, идя по самому краю тропы, чтобы можно было время от времени коснуться здоровой рукой нежных цветков.

В садах уже было абсолютно пусто, и Микки представила, что все они принадлежат ей – что она некая важная леди, живущая в огромном особняке, и единственное ее занятие – ухаживать за розами и наслаждаться ими.

Ночь, похоже, соглашалась с ней. Вокруг стояла полная тишина, не доносилось даже голосов актрис из Вудворд-парка, и Микки решила, что они, должно быть, закончили репетицию и разошлись наконец по домам. Вот и хорошо, ей не придется еще раз сталкиваться с ними.

И вдруг в тишине послышался какой-то шум. Он начался как странный дребезжащий звук и доносился откуда-то сзади – примерно с третьего уровня. Микки удивленно вздрогнула. Звук напомнил ей очень отдаленный гром. Она даже посмотрела на небо, почти ожидая увидеть облака, возвещающие приближение грозы.

Но ночное небо было чистым. Тысячи звезд усеивали чернильную тьму; над головой Микки не нашлось и слабого признака облаков. Она остановилась и прислушалась. Ничего не услышав, Микки решила, что это, должно быть, пробежал кролик или бродячая кошка.

– Наверное, зверек наткнулся на какой-нибудь хлам, оставленный рабочими, – сообщила Микки ближайшему розовому кусту.

Она пошла дальше, не обращая внимания, что ноги сами собой прибавили шаг, а волосы на затылке шевельнулись.

Она добралась до середины второго уровня, когда звук повторился. Сначала Микки подумала, что просто слышит эхо собственных шагов, отдающееся от каменной стены, отделявшей

один уровень от другого. Но вскоре она удостоверилась: это вовсе не эхо. Она слышала чьи-то еще шаги. Неведомые ноги скрипели гравием куда сильнее, чем ее собственные.

Но не только шаги показались ей странными. В конце концов, множеству людей нравится гулять по дорожкам розовых садов, даже после девяти часов прохладным осенним вечером. Внимание Микки привлек отчетливый шум, сопровождавший эти шаги. Она уже слышала его однажды...

Услышав его снова, Микки остановилась, сделав вид, что нюхает особо симпатичную «принцессу монахо». Но на деле она вся превратилась в слух.

На третий раз она уже была уверена. Это было до боли знакомое ворчание... низкие громкие выдохи, нечто среднее между ворчанием и рыком. Микки задрожала и изумленно распахнула глаза. Не могло быть другого такого звука, и ни одно живое существо не могло его издавать, кроме того, из снов... И оно приближалось к ней с каждым тяжелым шагом...

«Черт побери, это невозможно! – кричала рациональная часть ума Микки. – Это абсолютно невозможно!»

– Это всего лишь иллюзия, – решительно напомнила себе Микки. – Просто игра воображения.

Но что бы ни твердил здравый смысл, Микки знала: то, что она слышит, – абсолютно реально... во всяком случае, для нее. В этот момент происходящее становилось ее настоящей жизнью.

Сердце Микки отчаянно колотилось. «Беги из садов в парк, там вокруг тебя будут свет и люди!» – пилил ее ум, не обращая внимания на сексуальное возбуждение, вспыхнувшее в животе Микки.

Нет, она не грезила. Она не спала в своей уютной постели, она не пересказывала эротические фантазии подруге, она даже не путала слова роли из-за волнения и кьянти. Ее действительно кто-то преследовал. Ей необходимо добраться до безопасного места. Она покинет розовые сады, сбежит от темных дорожек и ночного уединения. И если даже актеры и сценический персонал уже закончили работу, все равно в Вудворд-парке есть кто-нибудь, кто может ее услышать. К тому же там ее будет окружать свет фонарей. Ее легко будет спасти, она окажется на виду.

Но и он тоже увидит ее без труда, тут же прошептала ей другая часть ума.

Микки ускорила шаг.

Приглушенное ворчание и могучий вздох – будто кузнечные мехи, а не живое существо – послышались с дорожки, параллельной той, по которой быстро шла Микки. Дорожки разделял лишь аккуратный ряд пышно цветущих роз «тиффани». Микки бросила косой взгляд через темно-розовые цветы.

Она была еще недостаточно близко к парку, чтобы городские огни помогли ей отчетливо рассмотреть его. Девушка заметила лишь блеск горящих глаз, прежде чем существо отвернулось. Размеры – Микки даже задохнулась, – размеры чудовища были невероятны. И против воли тело откликнулось всплеском возбуждения.

От внезапного яростного рыка она похолодела и покрылась мурашками. Он обходил ее с фланга. Он намеревался отрезать ее от огней парка.

«Быстрее! – твердил рассудок. – Беги из садов, на свет, и зови на помощь!» Страх наконец заглушил возбуждение, и Микки помчалась со всех ног, в ужасе повторяя то, что происходило во сне.

* * *

Когда он ощутил ее присутствие, он подумал, что ему это снится. Снова. Он не понимал этих снов, но радовался им как редкому дару. Они делали не такой мрачной бесконечную тьму его могилы. Они даже почти давали надежду... почти.

Но ткань его снов менялась. Сначала они его не удивляли и не тревожили. Он провел здесь уже много столетий, и лишь изредка ему позволялись обрывки мыслей... доносился аромат живого мира... хоть что-то живое. И каждый раз это было немножко по-другому. Год за годом он напрягался, чтобы услышать чей-нибудь голос, ощутить прикосновение мягкой руки, уловить запах роз. Иногда ему это удавалось; гораздо чаще – нет. До недавних пор.

Это началось, когда она вошла в его тюрьму и он снова начал жить. К нему стали приходиться эти сны.

Он веселился в этих снах, он вдыхал ее запах, пока не почувствовал, что как будто пьет ее сущность... Сны... кто лучше его мог знать, какую магию они скрывают в себе?

Может быть, ему снова приснится, что он прикасается к ее коже. Может быть...

А потом капли ее крови брызнули на холодный камень, сковавший его, и боль, пронзившая его, разбила вдребезги прошедшие столетия, как ледяную корку на мраморе.

Он не мог поверить, что стал свободен. Он думал, что это еще одна жестокая иллюзия. И ему, наверное, понадобилось бы еще несколько десятков лет, прежде чем он решился бы просто пошевелиться, если бы ее запах не начал таять.

Она уходила от него. Бежала от него.

Нет! Только не снова!

Преодолевая боль, он напряг мощные мышцы и проломил стену окутывавшей его тьмы.

Он принялся. Да, вон там, скрытый ночным ароматом роз и запахом крови, затаился священный запах. Он приказал своему застывшему телу двигаться и последовал за таким знакомым ароматом через темный чужой сад. Огромным усилием воли он заставил себя не рвануться прямо через розовые кусты, что разделяли их, и не схватить ее. Он заставил себя совладать со зверем, скрывавшимся в нем. Тварь слишком долго сидела взаперти... ее потребности были слишком грубыми... слишком животными. Невозможно допустить, чтобы когти твари коснулись ее. Он должен пленить ее мягко, как нежную птицу, а потом вернуть ее к судьбе, которой она надеялась избежать.

Сдерживая свирепость, бушевавшую в нем, он преследовал ее. Он не мог хорошенько ее рассмотреть, но это и не было нужно. Его притягивал запах священного масла; она сама притягивала его. И она осознавала его присутствие. Он ощущал ее панический страх. Но было и что-то еще – что-то незнакомое, исходившее от нее. Он нахмурился. Что-то тут было не так. Он ускорил шаг, когда она выскочила из розовых садов в маленький круг света. И вдруг остановился.

Это была совсем не та жрица, которую он предполагал увидеть. Разочарованный и сконфуженный, он замер на месте, а она открыла кожаный мешочек, который несла с собой, ища в нем что-то. Оружие? Ее взгляд обшаривал густую тень позади – тень, в которой стоял он.

* * *

– Ну же! Где этот чертов сотовый?

Он слышал ее незнакомый голос и видел, как она дрожит, роясь в своем мешочке, – дрожит так сильно, что скользкая кожа мешка в конце концов вырвалась из ее рук и упала на каменистую дорожку.

– Дерьмо! Дерьмо! – произнесла незнакомка.

Она присела на корточки и сунула руку в сумку, и он услышал, как вдруг с ее губ сорвался судорожный вздох, словно от резкой боли. Она выдернула руку. И он увидел, что ее пальцы испачканы кровью.

Этот запах ударил его, почти лишив дыхания, – запах крови, смешанный с запахом священного масла Верховной жрицы. Она не была предательницей, но как-то была отмечена его богиней. А он должен повиноваться воле богини. Он снова двинулся к ней, на этот раз с помощью вновь освободившейся силы велел тьме сгуститься вокруг, чтобы оставаться под покровом ночи. И все равно она вскинула голову и посмотрела на него округлившимися глазами.

– Не бойся, – пробормотал он, пытаясь смягчить могучий голос.

– Кто ты? Что тебе нужно?

Он ощутил ее ужас и на мгновение пожалел о том, что должен сделать. Но лишь на мгновение. Он помнил свой долг. И на этот раз он его выполнит. Прежде чем она смогла убежать, он с нечеловеческой скоростью метнулся туда, где она все так же стояла на корточках на усыпанной листьями дорожке. Она во все глаза смотрела на него, не в силах различить сквозь плащ темноты.

Она была такой маленькой... такой земной...

Он резко приказал тьме скрыть их, и в одно мгновение обхватил ее огромными руками. Прохладный ветерок, еще недавно такой ласковый и освежающий, внезапно ударил яростной волной звуков и запахов. Они очутились в бешеном водовороте... и тут как будто разверзлась земля, поглотив обоих. Все вокруг тряслось, перемещалось, сыпалось... Мир поблек и растаял без следа, а дрожащий воздух наполнился оглушительным ревом.

Как змея, ускользящая в нору, тьма и чудовище отступили, унося с собой Микадо Эмпауз.

Часть вторая

Глава восьмая

Мягко... вокруг нее все было таким мягким. Она лежала на боку, прижавшись к подушке. Микки потерлась щекой о гладкую поверхность. Шелк. Конечно, это должен быть шелк. Она плотнее натянула на себя толстое одеяло, вдыхая роскошный запах дорогого постельного белья.

И пока она так лежала, кто-то расчесывал ей волосы широкой щеткой с мягкой щетиной. Микки счастливо вздохнула и перевернулась на живот, чтобы этому кому-то было удобнее заниматься ее волосами. Сон... должно быть, ей это снится.

Однако, сказала она спящей себе, в последнее время сны определенно стали удивительно прекрасными. Нужно просто расслабиться и наслаждаться.

Некто, расчесывая волосы Микки, что-то напевал без слов. Голос был женским, и мелодия лилась мягким сплошным потоком в такт движениям рук, гладивших волосы Микки, и все вместе приводило ее почти в гипнотическое состояние.

Микки снова вздохнула.

И между мягкими убаюкивающими звуками ее сонный ум уловил произнесенные шепотом слова: «Добро пожаловать, жрица!»

Микки подумала, что ей надо бы побольше спать.

К ней прикоснулась еще пара рук. Эти новые руки начали растирать ступни. С уверенностью опытного массажиста руки очерчивали ровные успокаивающие круги на подошвах.

Микки чувствовала себя так, словно все тело стало жидким. Что ж, она вполне заслужила подобный сон, особенно после того, что пережила прошлым вечером. Ее ум лениво вернулся к тем событиям. Идиотское свидание вслепую... унижение, пережитое из-за того, что она перепутала слова роли... потом в розовых садах за ней кралась какая-то ужасная нереальная тварь... и она порезала пальцы о разбившийся флакончик с духами... и оглушительный рев, и такое чувство, словно она задыхается...

Воспоминания пытались прорваться сквозь плотину удовольствия, выстроенную сном. Конечно, она спит... но как она добралась до дома? И что случилось сразу после того, как у нее чудовищно закружилась голова там, в Вудворд-парке? По телу Микки осторожно прополз легкий холодок сомнения. Ей необходимо проснуться.

Микки открыла глаза.

Позади раздался легкий шум. Микки обернулась. Рядом с ее постелью стояли две женщины.

Нет... это была совсем не ее постель!

Глаза Микки широко распахнулись.

Нет. Нет. Нет. Ерунда какая-то. Это же кровать из снов! Огромная кровать под балдахином в гигантской спальне, если говорить точно. Микки прикрыла глаза ладонями. Потом с силой потерла лицо. Она прекрасно чувствовала свое тело. И это было совершенно отчетливое ощущение, не похожее на сладкий эротический туман, наполнявший ее сны. Не открывая глаз, Микки ударила себя по щеке. Сильно.

– Ох, дерьмо...

Она поморщилась. Ей действительно больно. А значит, она не спит.

Микки снова открыла глаза.

Ничего не изменилось. Кровать осталась на месте, и спальня тоже, а заодно и обе женщины. Они были одеты в длинные поблескивающие хитоны, свободно облежавшие тела и спа-

давшие до покрытого толстым ковром пола. Обе женщины были молоды и красивы и прекрасно выглядели на фоне сводчатых окон за спинами.

– Дерьмо собачье!

Микки машинально произнесла любимое ругательство, задохнувшись от ужаса; ее сердце бешено заколотилось.

– Какого черта, кто вы такие? – хрипло спросила она.

Горло перехватывало от страха. Неужели там, в парке, кто-то напал на нее и убил?

– Я что, умерла? – выпалила она. – Вы призраки?

Женщины вытаращили глаза, и одна из них, брюнетка, вскинула изящную руку в успокаивающем жесте, но то, что эта особа вообще здесь находилась и могла как-то отреагировать на вопрос, совсем не успокоило Микки. Она отшатнулась назад и поползла по кровати, пока не уперлась спиной в изголовье.

– Госпожа! Мы живые! Тебе нечего бояться!

Голос женщины звучал негромко и мелодично, и Микки узнала его: именно эта женщина напевала колыбельную без слов.

– Мы здесь, чтобы приветствовать тебя и служить тебе, жрица!

Вторая женщина, с пышной гривой пшеничных волос, согласно кивнула.

– Да, жрица. Мы очень даже живые.

Подтянув к груди одеяло, Микки попыталась совладать с дрожащим голосом.

– А г-где я?

– Ты дома, жрица, – ласково улыбнулась брюнетка.

– И где находится этот «дом», если поточнее? – спросила Микки, едва шевеля губами, как будто слишком быстро съела большую порцию сладкого попкорна и у нее все слиплось во рту.

– Ты в своем Царстве роз, – завершила ее блондинка.

– Ну, я дошла до точки, – простонала Микки. – Я наконец-то полностью, окончательно и бесповоротно свихнулась.

Она закрыла лицо ладонями.

В то же мгновение обе женщины бросились к ней и принялись гладить по плечам и волосам. Микки отшатнулась от них.

– Не трогайте меня! – взвизгнула она. – От вас только хуже становится! Черт побери, я ведь чувствую, как вы меня трогаете, хотя я должна спать, и это должен быть сон, и...

Микки умолкла, оборвав бессмысленное бормотание. Тяжело дыша, она покачала головой, глядя на женщин.

– Нет. Оставайтесь. Вы лишний раз доказываете мне, насколько я ненормальна.

Женщины отступили на полшага.

Брюнетка, по-видимому старшая, быстро сказала:

– Позволь верить тебя, жрица, ты полностью в своем уме. Тебе ничего не чудится, и мы вовсе не плод расстроенного воображения.

Она улыбнулась немножко неуверенно, однако мягко, ласково.

– Я понимаю, тебе все это должно казаться очень странным...

Она оглянулась на подругу, и та улыбнулась в ответ.

– Но ты действительно находишься в Царстве роз, а мы – твои служанки.

Блондинка кивнула, и ее волосы всколыхнулись. У Микки задержался правый глаз.

– Может, я хлебнула лишку? – пробормотала она, пытаясь вспомнить, сколько она выпила до того, как ушла с идиотского свидания. Три... а может, четыре бокала прекрасного кьянти? Ох, боже...

– Мы были бы счастливы принести тебе вина, жрица, – прошептала блондинка.

– Ох, да помолчите вы, дайте подумать! – огрызнулась Микки. – И перестаньте называть меня жрицей. Это не мое имя и не моя должность.

Тут она задумчиво прикрыла глаза. Что она такое бормочет, как слабоумная? Не ее должность? Быть психом – это уже достаточно плохо. Быть глупым психом – это уж и вовсе унижительно.

Но служанки, похоже, не обратили внимания на ее идиотское высказывание. Они были заняты, обмениваясь изумленными взглядами.

– Но, – неуверенно заговорила брюнетка, – ты должна быть нашей жрицей. Ты разбудила Стража.

Микки застонала в отчаянии.

– Кем я действительно должна быть прямо сейчас, так это сумасшедшей!

Женщины заговорили между собой, не обращая внимания на ее слова.

– Она прекрасна, – сказала блондинка. – И она получила должное посвящение и помазание.

Брюнетка чуть прищурилась, глядя на Микки.

– Но она не так молода, как были другие избранные жрицы.

Ее подруга молча кивнула, слегка наморщив лоб.

– А может, это и к лучшему. – Ее голос упал до шепота, и Микки пришлось напрячься, чтобы уловить дальнейшее. – Ты ведь знаешь, как плохо кончила последняя из них.

– Тише! – шикнула на нее брюнетка.

Блондинка побледнела и крепко сжала губы.

– Ты ведь девица, верно? – спросила брюнетка без малейшей тени сомнения в голосе.

– Вот что! – Микки спустила ноги с кровати и встала так стремительно, что женщины почти отпрыгнули назад. – Придется признать, что у меня случилось нарушение связи с реальностью, но не хватало еще, чтобы мои галлюцинации рассуждали о моем возрасте и совали нос в мои сексуальные дела.

Микки взмахнула рукой в сторону женщин.

– Уходите. Я предпочитаю сходить с ума в одиночестве.

– Мы не хотели оскорбить тебя, жрица, – сказала брюнетка, раскаиваясь.

Блондинка опять кивнула – очень энергично.

– Вы меня не оскорбили. Меня оскорбляет мой ум, а точнее, его отсутствие. – (Женщины заморгали, как куклы.) – Ох, просто оставьте меня одну ненадолго. Мне нужно о многом подумать.

– Только позови, если тебе чего-то захочется, – сказала брюнетка. – Конечно, жрица, мы вернемся, когда сядет солнце, чтобы подготовить тебя к ночному ритуалу богини. Мы все надеемся, что на этот раз...

Микки резко вскинула руку, прерывая поток слов.

– Нет! Прямо сейчас – ничего больше! Цитируя то, что я однажды услышала на очередном идиотском свидании, «моя башка слишком переполнена, чтобы думать о чем-то еще». Просто уйдите отсюда.

И, увидев, как изменились лица женщин, Микки добавила:

– Пожалуйста.

Конечно, они были созданиями ее ума, но, как наверняка напомнила бы ей мать, у нее совершенно не было причин задевать их чувства и быть невежливой. Они ведь не виноваты в ее ненормальности.

Женщины неохотно направились к выходу из спальни. Микки ожидала, что они пройдут сквозь стену, как и полагалось бы продуктам воспаленного воображения, но блондинка открыла большую резную дверь, которая секунду спустя мягко захлопнулась за спинами служанок. Галлюцинации и те вели себя не как положено.

– Сумасшедшая, – решительно сообщила себе Микки. – Ты абсолютно сумасшедшая.

У нее вдруг ослабели колени, и Микки снова села на кровать. Пышная перина вспенилась вокруг нее, как облако шелка ручного прядения. Не в силах понять происходящее, Микки провела рукой по постели.

– Невероятно, – пробормотала она.

Постельное белье было роскошным и невообразимо красивым, куда богаче, нежели то, что продавалось в «Голубом дельфине», бутике на площади Ютика-сквер, – Микки частенько рассматривала его. Ключевое слово здесь – «рассматривала». Она никогда не могла позволить себе купить подобные постельные принадлежности. А теперь ее окружали ткани, рядом с которыми вещи из «Голубого дельфина» выглядели как дешевые рыночные тряпки.

Что ж, по крайней мере, ее бред достаточно дорогой.

Но вообще-то слово «дорогой» казалось слабоватым для этой спальни. Скорее она была РОСКОШНОЙ. И каждая буква в этом слове была заглавной.

«Это все из волшебных сказок», – напомнил ей рассудок.

Микки не обратила на него внимания, потому что рассудку в данный момент доверять не стоило, и огляделась по сторонам. Она узнала эту комнату. Ее фантастические сны всегда начинались именно в ней, но образы слишком быстро ускользали. И как правило, проснувшись, Микки только и помнила, что снова была «в той самой комнате», и что там ей было уютно и спокойно, и что именно с наслаждения покоем начинали развиваться дальнейшие события.

Что это говорила брюнетка? «Ты дома, жрица...»

Невозможно. Ее домом была прелестная маленькая квартирка, расположенная в отличном месте, а не спальня, подходящая принцессе. Восхищенный взгляд Микки скользил по комнате. Принцессе? Черт, да это создано для какой-нибудь богини! На потолке висели на золотых цепях три огромные хрустальные люстры. В них горели бесчисленные свечи, да еще и на полу стояли несколько зажженных канделябров, так что все уголки спальни освещались отлично, тем более что и в огромном камине горел бодро потрескивавший огонь. Комната была залита теплым живым светом. В отделке тут и там повторялись цвета постели: алый и золотой. Невероятно мягкий бархатный ковер был цвета свежего снега. Дымчато-белый с тонкими золотыми прожилками мрамор стен кое-где закрывали изысканные гобелены. Сложный орнамент, изображенный на них, состоял из... Микки присмотрелась и усмехнулась, приятно удивленная. Из роз! Каждый гобелен представлял собой тканое чудо. Не в силах удержаться, Микки придвинулась к ближайшему произведению ткацкого искусства – и восторженно вздохнула.

На гобелене красовались розы «микадо».

Взгляд Микки пробежал от стены к стене. Розы, изображенные на гобеленах, были так реалистичны, что Микки показалось: она вот-вот ощутит их изысканный аромат. И все они были сорта «микадо».

– Это определенно что-нибудь да значит, даже если это всего лишь бред, – решила Микки.

Заинтересованная игрой собственного ума, Микки принялась исследовать комнату. Между занавесями скрывались покрытые тонкой резьбой платяные шкафы, а неподалеку от укрытой балдахином кровати стояло огромное зеркало с туалетным столиком. Зеркало как будто ждало, когда перед ним сядет сказочная принцесса или богиня и начнет прихорашиваться. Мигнувший свет люстры привлек внимание Микки, и она посмотрела вверх. Стены уходили в невиданную высь. Микки пришлось закинуть голову, чтобы увидеть сводчатый потолок, расписанный фресками; там тоже переливались кроваво-алым и золотым розы «микадо».

Микки недоверчиво пробормотала:

– Какого черта, где же я?

Как могло ее сознание сфабриковать столь ошеломляющую «реальность»? «Может быть, я это и не выдумала... может быть, все это существует на самом деле, а вот как раз моя прежняя

скучная, лишенная событий жизнь и была сном?..» Эта мысль, даже более неуловимая, чем легкий дымок, проскользнула в ее ошеломленном уме.

Стараясь взять себя в руки, Микки встала, и босые пальцы ног зарылись в толстый ковер. Босые?

Только теперь она оглядела себя. На ней была длинная белая рубаша с треугольным вырезом, глубоким, приоткрывающим грудь. Рукава рубашки отделаны кружевом, пышно собранным на запястьях. И по всей ткани рассыпались вышитые алые розы. Микки пощупала ткань. Это был не шелк, но для хлопка материал казался слишком гладким и мягким. Очень дорогой лен? Ну, что бы это ни было, оно приятно на ощупь. Рубаша как будто окутывала тело полупрозрачными волнами, так что все выглядело соблазнительно, но при этом не вульгарно. Микки приподняла ногу, наслаждаясь тем, как ткань ласкает ее нагое тело.

Нагое?..

Микки застыла на месте. Потом, оттянув край выреза, заглянула в рубашку. «Абсолютно голая», – прошептала она, чувствуя, как к щекам приливает румянец.

Как она могла раздеться догола? Или, точнее, кто мог раздеть ее? Видимо, те маленькие служанки, сказала себе Микки (пожалуйста, не надо, тут же смущенно пробормотал ее рассудок, стараясь отогнать воспоминание о чудовище, что так упорно преследовало ее). Ну, хотя она и не знает этих женщин, они все-таки женщины. Уговаривая себя успокоиться, Микки рассеянно провела ладонью по рубашке. Взвинченные нервы слегка утомнились от этого прикосновения. Микки подняла руку, чтобы рассмотреть тончайшие кружева, и тут заметила, что порезы на пальцах покрылись корочкой, хотя нажимать на них было еще больно.

Но она ведь помнила, что порезала пальцы, когда разбился флакон с духами, а было это вчера вечером. Микки снова нажала на подживающие шрамы и поморщилась. Порезы были настоящими. Микки втянула воздух и ощутила аромат экзотических духов, которые она капнула на запястья и которыми измазала потом всю руку. Вряд ли галлюцинация могла захватить все ее чувства. Или могла?

Микки вздохнула и подошла к окну. Только тогда она поняла, что средние панели имели мраморные ручки и открывались наружу, на огромный балкон. Микки прижалась лицом к стеклу, пытаясь рассмотреть что-нибудь в угасающем свете. Но увидела только отдаленную балюстраду балкона. А за ней – лишь смутные темные тени. Потом стекло затуманилось от ее дыхания.

– Не веди себя как ребенок, – приказала Микки своему отражению.

И, не обращая внимания на сильное сердцебиение, повернула ручку и вышла в прохладный вечер.

Балкон, казалось, не имел конца. Он был из гладкого, как стекло, мрамора жемчужного цвета, и уходил в обе стороны плавным полукругом, скрываясь за строением, которое выглядело как...

Это был замок!

Микки разинула рот и обернулась, чтобы оглядеть впечатляющее сооружение за спиной.

– Охбожеймойну!

Ошеломленная, она смотрела во все глаза. Здание было выстроено из того же матового мрамора, что и балкон, и больше походило на гигантский дворец, чем на традиционный замок. Дворец возвышался над Микки, словно рукотворная гора, и тянулся в обе стороны, насколько хватало взгляда. Похоже, он стоял на утесе. Микки таращилась на него в полном изумлении. С этого места ей были видны несколько полукруглых крыльев, как будто охватывавших основное строение. Сквозь огромные окна она заметила свет. Микки смотрела, смотрела, и наконец внутри ее что-то шелкнуло.

– Я не могла все это выдумать, – сказала она вслух, чтобы подбодрить себя. – Если бы я стала воображать какой-нибудь дворец или замок, я бы придумала что-то вроде сказочного

дворца Золушки, как в диснеевском фильме. Но только не такое... до такого мне не додуматься. Не знаю, где я нахожусь и что случилось, но все вот это не может быть плодом моего воображения.

За спиной Микки раздался какой-то отрывистый звук, и она обернулась. По ту сторону балкона мигали огоньки. Судорожно сглотнув, Микки шагнула вперед. Ей пришлось пройти больше тридцати шагов, чтобы очутиться наконец у перил балкона. Они достигали ее талии, и, задержав дыхание, Микки вцепилась в гладкий мрамор и наклонилась, чтобы посмотреть вниз, на землю.

– Розы! – сорвался с ее губ восторженный вскрик.

Дворец окружало гигантское кольцо розовых клумб, перемешанных с подстриженными деревьями, изгородями, фонтанами и статуями. В глубине сада Микки увидела темные очертания еще какого-то строения, но угасающий свет дня не позволял рассмотреть его как следует, хотя по всему пространству сада были разбросаны живые мигающие огни – это были светильники, висевшие на ветвях деревьев, и факелы, воткнутые в землю. Приглушенный короткий звук повторился, и Микки наконец заметила в полутьме одетую в шелка девушку, которая зажигала факелы. Вскоре Микки обнаружила, что по саду бесшумно движется множество таких девушек, оставляя за собой светящийся след. Наблюдая за этим невероятным зрелищем, Микки вдруг ощутила приступ тошноты.

– Ну вот! – Она огорченно взмахнула руками, стараясь справиться с головокружением и неприятным ощущением в желудке. – Вот и до такого мне тоже не додуматься... до маленьких служанок, похожих на нимф, которые зажигали бы факелы в саду...

– Ты не выдумала все то, что видишь, и ты не сходишь с ума, Микадо Эмпауз.

Микки охнула и подпрыгнула на месте, так испугал ее сильный, гортанный женский голос. С перепугу у нее даже голова перестала кружиться. Она стремительно повернулась к женщине, столь внезапно возникшей позади нее. Без сомнения, она и была верховной владычицей этого странного мира. И, не в силах произнести ни звука, она просто уставилась на эту женщину, словно полное испуга и благоговения дитя.

Незнакомка была высокой и широкоплечей, с прекрасным телом и властным умным лицом. Губы у нее были полными, алыми, а серые глаза как будто видели все насквозь. На ней было платье из нескольких слоев тонкого черного шелка – ткань словно стекала вниз, подчеркивая безупречные линии фигуры; на талии вместо пояса красовалась цепь из серебряных роз, соединенных между собой рубиновыми стеблями. Сквозь легкое одеяние Микки различила очертания длинных стройных ног – идеально прекрасных, обутых в золотые сандалии. А к этим ногам привалились две собаки – такие огромные, каких Микки никогда и не видела. Черные твари таращились на Микки немигающими глазами, светящимися неестественным красным светом, и Микки поспешно отвела от них взгляд, посмотрев сначала на пылающий факел, который женщина держала в руке, потом на сияющую голову незнакомки... В ее темных, затейливо уложенных волосах светился целый рой огоньков. Они подмигивали, как крошечные звезды, в ночной тьме прически.

Наконец женщина снова заговорила, и от силы ее голоса по коже Микки пробежал холодок.

– Я – богиня Геката, и я приветствую тебя в Царстве роз.

Глава девятая

– Геката?

У Микки онемели губы. Было нечто невыразимое словами в этой женщине, от одного ее вида у Микки подкашивались ноги... Она попятилась назад, пока не уперлась в мраморные перила балкона.

– Геката из «Медеи»? – выдохнула она чуть слышным шепотом.

– Я действительно богиня Геката, повелительница Медеи. – Геката говорила резко, властно. – И если ты упадешь в обморок, как обычная слабая женщина, я буду весьма недовольна тобой, Микадо.

– Я вообще-то никогда раньше не падала в обморок, – ляпнула Микки первое, что пришло в голову.

– Вот и не начинай теперь, – сказала богиня.

Микки смогла в ответ лишь судорожно кивнуть.

Геката молча рассматривала ее. Властное лицо богини было непроницаемым, и у Микки возникло совершенно детское желание закрыться руками, но она заставила себя стоять неподвижно, хотя богиня и смотрела на нее так пристально, что Микки казалось: она физически ощущает этот взгляд.

– Я не просто богиня Медеи, – внезапно нарушила молчание Геката. – Я богиня чудовищ, магических сил и темной луны. Я властвую над ночной тьмой, снами и границей познанного и неведомого.

Богиня говорила размеренно и мощно, и Микки чувствовала, как сила ее слов скользит по коже, будто голодная ищущая змея. Потом голос Гекаты угрожающе понизился, и Микки пришлось сделать над собой немалое усилие, чтобы не съежиться от ужаса.

– Я знала твою мать, Микадо, а до того – ее мать, а прежде – ее... много поколений. Я всегда наблюдала за женщинами вашей семьи. Я продолжала следить за ними и продолжала верить в них, даже после того, как эти женщины почти забыли меня.

В полном и окончательном изумлении Микки вскрикнула:

– Моя мама! Моя бабушка! Но почему... Я ничего не понимаю!

Выражение лица богини едва заметно смягчилось.

– Разве ты никогда не задумывалась о том, откуда у тебя взялся особый дар, Микадо?

– Дар?..

– Да! Думай! – рявкнула богиня.

Собаки, сидевшие у ее ног, обеспокоенно рыкнули.

– Не стой тут с дурацким видом, как будто ты мужчина и способна соображать только той частью тела, что висит между ног! Осознай свой дар, Микки Эмпауз!

Микки повиновалась приказу богини и ответила, причем голос уже почти не дрожал:

– Моя кровь помогает розам расти. Я смешиваю кровь с водой, и в ночь новолуния... – Микки немного помолчала; она сообразила, что подразумевает титул «Богиня темной луны». – В ночь новолуния я подкармливаю розы своей кровью...

– И твои розы всегда прекрасно растут, – закончила за нее богиня.

– Всегда, – прошептала Микки.

– Это одна часть твоего дара. Другая связана с тем, что женщины твоей семьи сохраняли всегда, из поколения в поколение, – сказала Геката.

Микки нахмурилась, задумавшись. Потом ее лицо прояснилось.

– Фамилия! Все женщины нашего рода всегда сохраняли свою фамилию, Эмпауз. Мы никогда ее не меняли. Это традиция, и мы действительно ей следовали из поколения в поколение. Даже тогда, когда казалось неслыханным, чтобы женщина оставила свою фамилию,

а не взяла имя мужа, как положено... женщины Эмпауз твердо держались своей традиции. Это всегда заносилось в брачный договор как обязательное условие – женщины семьи Эмпауз фамилию не меняют. Моя мама рассказывала разные истории о невестах Эмпауз, разрывавших помолвки, когда мужчины отказывались соглашаться с этим...

Микки резко закрыла рот, испугавшись, что впала в истерическую болтовню.

Геката коротко кивнула, соглашаясь.

– Это потому, что в женщинах вашей семьи – драгоценная кровь Эмпузы, моей самой любимой жрицы. – На мгновение грозное лицо богини показалось почти добрым. – Ожидание было долгим, но я рада, что ты наконец вновь разожгла в своем сердце божественный огонь, умастилась священным маслом и воззвала к моему имени. И ты видишь, я вознаградила тебя за веру. Ты пробудила моего Стража, и ты вернулась в Царство роз.

– Но это случайность! – Микки хотелось разрыдаться. – Я все это ненамеренно сделала!

– Подумай хорошенько. Разве такое возможно – случайно наложить на себя священное масло и воззвать ко мне?

Мраморные перила балкона сквозь тонкую ткань ночной рубашки обжигали спину Микки, как обледеневшее железо. Огромные собаки насторожили уши, глядя на Микки, словно тоже были удивлены ее ответом. Микки почти истерически подумала, а не прикажет ли богиня своим псам сожрать ее, когда поймет, что происшедшее – всего лишь безумная путаница?

Она глубоко вздохнула и посмотрела в холодные серые глаза богини.

– Ты говоришь, я намазалась священным маслом... ну, я полагаю, это всего лишь духи.

Геката вскинула брови.

– Духи? И правда. Но как ты умудрилась раздобыть такие духи, которые пахнут точь-в-точь как ритуальное масло моей Верховной жрицы?

– Мне их подарила одна старая женщина, с которой я встретила накануне днем...

Микки немного помолчала. Было ли это действительно накануне, или прошло несколько дней, или несколько лет? Нет, об этом она сейчас не могла думать; да это и не имело значения. Важно было только одно: чтобы Геката поняла – Микки не принадлежит к этому миру. А может, и вообще ничто не имело значения, потому что Микки ошибалась и это место не было ее новой реальностью, а она просто окончательно сошла с ума и на самом деле лежит сейчас где-нибудь в розовых садах Талсы, свернувшись, как эмбрион, и пускает слюни.

– Я уже говорила тебе, Микадо, что ты не бредишь и не галлюцинируешь. И не сошла с ума, – твердо произнесла Геката.

– Ты что, читаешь мои мысли?

– Мне всегда ведомы самые тайные страхи и самые страстные желания моей Эмпузы. Итак, жрица, продолжи объяснять своей богине эту случайность.

Своей богине... Волна невообразимого холода пронеслась по телу Микки, когда Геката произнесла эти простые слова. Как будто нечто давно забытое шевельнулось в ней, взволновалось, ощутив шанс новой жизни...

«Твое сердце помнит, Эмпауз, как и твоя кровь». Богиня ничего не сказала, но в сознании Микки как будто пронеслось эхо ее голоса.

Она слышит голоса? Микки встряхнула головой, снова испугавшись. И быстро заговорила, надеясь, что собственный голос, перечисляющий события, которые произошли в «настоящем мире», укрепит ее пошатнувшееся ощущение реальности.

– Одна старая женщина подарила мне эти духи. Мы с ней разговорились, потому что ее тоже называли в честь розы.

– И как звали эту старуху?

– Севильяна Калука, – ответила Микки, заметив, как угрожающе прищурилась Геката.

Но богиня больше не перебивала, и Микки продолжила:

– У меня в тот вечер было свидание, вот я и решила немножко надушиться. – Она поморщилась, вспомнив самодовольного профессора Ашера. – Но парень, с которым я встретила, оказался просто ужасен. Я отправилась домой.

Геката задумчиво кивнула.

– Мало таких мужчин, что достойны Эмпузы.

Микки посмотрела в глаза богине и с удивлением увидела в них понимание. Она осторожно улыбнулась Гекате.

– Да уж, в любви мне совсем не везет.

Геката фыркнула.

– Мужчины вообще не имеют значения.

Микки почувствовала, как ослабевают напряжение в плечах. Действительно, в ее жизни мужчины не имели особого значения.

– В общем, я решила не идти прямо домой и пошла через парк, чтобы заглянуть в розовые сады.

– Ты живешь рядом с розовыми садами? – спросила богиня.

Микки кивнула.

– Прямо через дорогу от городских розовых садов. Я там бесплатно помогаю весь год.

Гекате это вроде бы понравилось.

– Это правильно. После служения мне твой наиглавнейший долг как Эмпузы – заботиться о розах.

– Я всегда ухаживала за розами. И моя мама тоже, и бабушка...

Геката прервала ее нетерпеливым жестом.

– Женщины твоего рода кровью связаны с розами. Я это знаю. Но чего я не знаю, так это как ты воззвала ко мне.

– Это действительно была просто ошибка, честно! Я шла через парк к розовым садам, а там репетировали пьесе «Медея». И им понадобился кто-нибудь, чтобы выйти на сцену вместо актрисы, которая играла Медею... а я оказалась рядом. И режиссер попросил меня прочитать несколько строчек роли, и я...

Голос Микки затих, когда она вспомнила, как мерцали и светились слова текста, а потом как будто сами собой слетали с ее губ.

– В общем, похоже, как только я произнесла имя богини, все вдруг изменилось.

Микки и не заметила, что вслух высказала эту мысль, но ее вернул к реальности суровый голос Гекаты:

– Твоя душа и сама кровь, что бьется в твоих венах, знают мое имя, и они воззвали к своей богине, хотя твой рассудок и забыл меня.

– Но это кажется таким невероятным...

Микки покачала головой и провела по лицу дрожащей рукой.

– Это не было кровавой жертвой. От твоих слов мог взвиться ветер, могла дрогнуть земля, взволноваться воды, вспыхнуть пламя, – но ты не могла пробудить Стража и перенестись в мои владения, не пролив свою кровь.

– Я поливала розы... – чуть слышно произнесла Микки, вспомнив безумную какофонию, разразившуюся вокруг нее после того, как она прочла обращение к богине.

Ветер... земля... вода... огонь... неужели они действительно откликнулись на те слова? От этой мысли Микки пробрала дрожь. Но богиня нетерпеливо нахмурилась, и Микки быстро вернулась к рассказу:

– Рабочие в парке затоптали розы. А как раз была ночь новолуния, и я уже поливала розы у себя дома... те, что растут у меня на балконе. Мне было нетрудно разбедить свежий шрам на ладони и помочь садовым розам тоже. Ну, наверное, я перестаралась, потому что стала разбрызгивать воду с кровью где попало. Несколько капель угодило на статую Стража...

Микки судорожно втянула воздух и уставилась на Гекату.

– Статуя. То чудище. Оно... Оно...

– Он, – поправила ее Геката. – Страж – мужского рода. Да, ты воззвала ко мне, и пожертвовала свою кровь... и пробудила его. А он принес тебя сюда. Это его долг – вернуть мою жрицу на ее истинное место.

Взгляд Микки метнулся от богини к теням, удлинявшимся по мере приближения ночи.

– Его нет здесь. Он слишком долго отсутствовал, и теперь ему многое нужно исправить. Слишком многое шло не так, и он должен об этом позаботиться. Тебе не стоит о нем беспокоиться. И тебе незачем его бояться. Единственное предназначение Стража – защищать Царство роз и следить, чтобы нити реальности вплетались в сны и магию.

Микки покачала головой.

– Нити реальности? Но как он...

Богиня резко перебила ее:

– Тебе незачем понимать его цели. Просто помни, что для тебя он не представляет опасности. Он охраняет всех, кто живет в моих владениях.

– Если он твой Страж, то что он делал в виде статуи в розовых садах Талсы?

И, мысленно закричала Микки, зачем он соблазнял меня во снах?

Темная богиня посмотрела на освещенные живым пламенем сады, которые, похоже, раскинулись на необозримое расстояние. Когда Геката заговорила, она скорее обращалась к теням, нежели к Микки.

– Я богиня, но я тоже могу ошибаться. И только из-за моего ошибочного суждения Страж был изгнан. Теперь я хочу исправить свою ошибку.

Микки не знала, что тут можно сказать. Если она до сегодняшнего дня и думала о древних богах и богинях, то в целом ей представлялось, что это некие могущественные, всесильные существа, не способные на примитивные ошибки. Но теперь она стояла перед женщиной, называвшей себя Гекатой, от которой исходили сила и властность, и эта самая богиня признавалась, что совершила ошибку? В этом не было никакого смысла. Однако, в общем-то, и во всем, что с ней происходило, смысла не наблюдалось.

И снова Геката заговорила, не глядя на Микки:

– Да, богини могут ошибаться. У меня есть и сердце, и душа. У меня есть страсти и мечты. Я люблю и ненавижу. И как бы я могла быть мудрой богиней, достойной почитания, если бы не понимала человеческих ошибок? Чтобы понять их, я должна и сама их совершать, – мрачным тоном закончила она.

– Мне очень жаль, – тихонько произнесла Микки.

Серые глаза Гекаты снова устремились к ней.

– Мне не хватало моей Эмпузы в Царстве роз. Даже если твое возвращение было случайным. – На этот раз в голосе Гекаты прозвучала легкая ирония, когда она подчеркнуто произнесла это слово. – Все равно я рада, что ты здесь. Я устала от ожидания.

– Но я до сих пор не знаю, почему я здесь!

Разве она может действительно быть жрицей вот этой потрясающей богини?

– Ты здесь ради роз! – Геката величественно раскинула руки, словно желая обнять все сады. – Ты восстановишь мои ритуалы и принесешь здоровье и жизнь в мои владения.

– Геката, я не знаю, как это делается, – возразила Микки.

– Разумеется, ты знаешь! – свирепо рыкнула богиня. – Это знание впечатано в твою кровь! Тебе нужно только заглянуть в себя и научиться читать то, что начертано моей рукой много поколений назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.